

Лев Николаевич

Толстой

Для чего люди одурманиваются?

(1890 г.)

Государственное издательство

«Художественная литература»

Москва – 1936

Электронное издание осуществлено

компаниями ABBYY и WEXLER

в рамках краудсорсингового проекта

«Весь Толстой в один клик»

Организаторы проекта:

Государственный музей Л. Н. Толстого

Музей–усадьба «Ясная Поляна»

Компания ABBYY

Подготовлено на основе электронной копии 27-го тома

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной

Российской государственной библиотекой

Электронное издание

90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого

доступно на портале

www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 27-му тому

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно прочитать

в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам

report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928–1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией АBBYU, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы АBBYU FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры тома и отдельные произведения публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Перепечатка разрешается безвозмездно.

—

Reproduction libre pour tous les pays.

Л. Н. ТОЛСТОЙ

1889 г.

Размер подлинника

ДЛЯ ЧЕГО ЛЮДИ ОДУРМАНИВАЮТСЯ?

—

I.

Что такое употребление одурманивающих веществ – водки, вина, пива, гашиша, опиума, табака и других менее распространенных: эфира, морфина, мухомора? Отчего оно началось и так быстро распространилось и распространяется между всякого рода людьми, дикими и цивилизованными одинаково? Что такое значит то, что везде, где только не водка, вино, пиво, там опиум или гашиш, мухомор и другие, и табак везде? Зачем людям нужно одурманиваться?

Спросите у человека, зачем он начал пить вино и пьет. Он ответит вам: «так, приятно, все пьют», да еще прибавит: «для веселья». Некоторые же, те, которые ни разу не дали себе труда подумать о том, хорошо или дурно то, что они пьют вино, прибавят еще то, что вино здорово, дает силы, т. е. скажут то, несправедливость чего давным-давно уже доказана.

Спросите у курильщика, зачем он начал курить табак и курит теперь, и он ответит то же: «так, от скуки, все курят».

Так же, вероятно, ответят и потребители опиума, гашиша, морфина, мухомора.

«Так, от скуки, для веселья, все это делают». Но ведь это хорошо так, от скуки, для веселья, оттого, что все это делают, вертеть пальцами, свистеть, петь песни, играть на дудке и т. п., т. е. делать что-нибудь такое, для чего не нужно ни губить природных богатств, ни затрачивать больших рабочих сил, делать то, что не приносит очевидного вреда ни себе, ни другим. Но ведь для производства табака, вина, гашиша, опиума часто среди населения, нуждающихся в земле, занимаются миллионы и миллионы лучших земель посевами ржи, картофеля, лоз, конопли, мака, табака, и миллионы рабочих – в Англии 1/8 всего населения – заняты целые жизни производством этих одурманивающих веществ. Кроме того, употребление этих веществ очевидно вредно, производит страшные, всем известные и всеми признаваемые бедствия, от которых гибнет больше людей, чем от всех войн и заразных болезней вместе. И люди знают это; так что не может быть, чтоб это делалось так, от скуки, для веселья, оттого только, что все это делают.

Тут должно быть что-нибудь другое. Беспреданно и повсюду встречаешь людей, любящих своих детей, готовых принести всякого рода жертвы для их блага и вместе с тем пропивающих на водке, вине, пиве или прокуривающих на опиуме или гашише и даже на табаке то, что или совсем прокормило бы бедствующих и голодающих детей, или по крайней мере избавило бы их от лишений. Очевидно, что если человек, поставленный в условия необходимости выбора между лишениями и страданиями своей семьи, которую он любит, и воздержанием от одурманивающих веществ, всё-таки избирает первое, то побуждает его к этому что-нибудь более важное, чем то, что все это делают и что это приятно. Очевидно, что делается это не так, от скуки, для веселья, а что есть тут какая-то более важная причина.

Причина эта, насколько я умел понять ее из чтения об этом предмете и наблюдений над другими людьми и в особенности над самим собой, когда я пил вино и курил табак, – причина эта, по моим наблюдениям, следующая.

В период сознательной жизни человек часто может заметить в себе два отдельные существа: одно – слепое, чувственное, и другое – зрячее, духовное. Слепое животное существо ест, пьет, отдыхает, спит, плодится и движется, как движется заведенная машина; зрячее духовное существо, связанное с животным, само ничего не делает, но только оценивает деятельность животного существа тем, что совпадает с ним,

когда одобряет эту деятельность, и расходится с ним, когда не одобряет ее.

Зрячее существо это можно сравнить со стрелкой компаса, указывающей одним концом на Nord,

[1] другим на противоположный – Süd[2] и прикрытой по своему протяжению пластинкой, стрелкой, невидной до тех пор, пока то, что несет на себе стрелку, двигается по ее направлению, но выступающей и становящейся видной, как скоро то, что несет стрелку, отклоняется от указываемого ею направления.

Точно так же зрячее духовное существо, проявление которого в просторечии мы называем совестью, всегда показывает одним концом на добро, другим – на противоположное зло и не видно нам до тех пор, пока мы не отклоняемся от даваемого им направления, т. е. от зла к добру. Но стоит сделать поступок, противный направлению совести, и появляется сознание духовного существа, указывающее отклонение животной деятельности от направления, указываемого совестью. И как мореход не мог бы продолжать работать веслами, машиной или парусом, зная, что он идет не туда, куда ему надо, до тех пор, пока он не дал бы своему движению направление, соответствующее стрелке компаса, или не скрыл бы от себя ее отклонение, так точно и всякий человек, почувствовав раздвоение своей совести с животной деятельностью, не может продолжать эту деятельность до тех пор, пока или не приведет ее в согласие с совестью, или не скроет от себя указаний совести о неправильности животной жизни.

Вся жизнь людская, можно сказать, состоит только из этих двух деятельностей: 1) приведения своей деятельности в согласие с совестью и 2) скрывания от себя указаний своей совести для возможности продолжения жизни. Одни делают первое, другие – второе. Для достижения первого – приведения поступков в согласие с своей совестью – есть только один способ: нравственное просвещение – увеличение в себе света и внимание к тому, что он освещает; для второго – для скрытия от себя указаний совести – есть два способа: внешний и внутренний. Внешний способ состоит в занятиях, отвлекающих внимание от указаний совести; внутренний состоит в затемнении самой совести.

Как может человек скрыть от своего зрения находящийся пред ним предмет двумя способами: внешним отвлечением зрения к другим, более поражающим предметам, и засорением глаз, так точно и указания своей совести человек может скрыть от себя двояким способом: внешним – отвлечением внимания всякого рода занятиями, заботами, забавами, играми, и внутренним – засорением самого органа внимания. Для людей с тупым, ограниченным нравственным чувством часто вполне достаточно внешних отвлечений для того, чтобы не видеть указаний совести о неправильности жизни. Но для людей нравственно-чутких средств этих часто недостаточно. Внешние способы не вполне отвлекают внимание от

сознания разлада жизни с требованиями совести; сознание это мешает жить, и люди, чтобы иметь возможность жить, прибегают к несомненному внутреннему способу затемнения самой совести, состоящему в отравлении мозга одуряющими веществами.

Жизнь не такова, какая бы она должна быть по требованиям совести. Повернуть жизнь сообразно этим требованиям нет сил. Развлечения, которые бы отвлекали внимание от сознания этого разлада, недостаточны или они приелись, и вот для того, чтобы быть в состоянии продолжать жить, несмотря на указания совести о неправильности жизни, люди отравляют, на время прекращая его деятельность, тот орган, через который проявляются указания совести, так же как человек, умышленно засоривший глаз, скрыл бы от себя то, что он не хотел бы видеть.

II.

Не во вкусе, не в удовольствии, не в развлечении, не в весельи лежит причина всемирного распространения гашиша, опиума, вина, табаку, а только в потребности скрыть от себя указания совести.

Иду я раз по улице и, проходя мимо разговаривающих извозчиков, слышу, один говорит другому: «известное дело – тверезому совестно!»

Трезвому совестно то, что не совестно пьяному. Этими словами высказана существенная, основная причина, по которой люди прибегают к одурманивающим веществам. Люди прибегают к ним или для того, чтобы не было совестно после того, как сделан поступок, противный совести, или для того, чтобы вперед привести себя в состояние, в котором можно сделать поступок, противный совести, но к которому влечет человека его животная природа.

Трезвому совестно ехать к непотребным женщинам, совестно украсть, совестно убить. Пьяному ничего этого не совестно, и потому, если человек хочет сделать поступок, который совесть воспрещает ему, он одурманивается.

Помню поразившее меня показание судившегося повара, убившего мою родственницу, старую барыню, у которой он служил. Он рассказывал, что когда он услал свою любовницу горничную и наступило время действовать, он пошел было с ножом к спальне, но почувствовал, что трезвый не может совершить задуманного дела. «Тверезому совестно». Он вернулся, выпил два стакана припасенной вперед водки и только тогда почувствовал себя готовым и сделал.

Девять десятых преступлений совершаются так: «для смелости выпить!» Половина падений женщин происходит под влиянием вина. Почти все посещения непотребных домов совершаются в пьяном виде. Люди знают это свойство вина заглушать голос совести и сознательно употребляют

его для этой цели.

Мало того, что люди сами одурманиваются, чтобы заглушить свою совесть, – зная, как действует вино, они, желая заставить других людей сделать поступок, противный их совести, нарочно одурманивают их, организуют одурманивание людей, чтобы лишить их совести. На войне солдат напаивают пьяными всегда, когда приходится драться в рукопашную. Все французские солдаты на севастопольских штурмах бывали напоены пьяными. После взятия Геог–Тепе, когда солдаты не шли грабить и убивать беззащитных стариков, детей, Скобелев велел напоить их пьяными, тогда они пошли.

Всем известны люди, спившиеся с круга вследствие преступлений, мучивших их совесть. Все могут заметить, что безнравственно живущие люди более других склонны к одурманивающим веществам. Разбойничьи, воровские шайки, проститутки – не живут без вина.

Все знают и признают, что употребление одурманивающих веществ бывает последствием укоров совести, что при известных безнравственных профессиях одурманивающие вещества употребляются для заглушения совести. Все также знают и признают, что потребление одуряющих веществ заглушает совесть, что человек пьяный способен на поступки, о которых он трезвый не решился бы и подумать. Все с этим согласны, но – странное дело! – когда следствием употребления одурманивающих веществ не являются такие поступки, как воровство, убийство, насилие и т. п.; когда одурманивающие вещества принимаются не вслед за какими-нибудь страшными преступлениями, а людьми, профессии которых не считаются нами преступными, и когда вещества эти принимаются не сразу в большом количестве, но постоянно в умеренном, то почему-то предполагается, что одурманивающие вещества уже не действуют на совесть, заглушая ее.

Так, предполагается, что выпивание русским достаточным человеком ежедневно перед каждой едой по рюмке водки и за едой по стакану вина, французом – своей полынной настойки и вина, англичанином – своего портвейна и портера, немцем – своего пива, а зажиточным китайцем выкуривание своей умеренной порции опиума и курение при этом табаку делается только для удовольствия и нисколько не влияет на совесть людей.

Предполагается, что если после этого обычного одурманения не совершено преступления, воровства, убийства, а известные поступки, глупые и дурные, то эти поступки произошли сами собой, а не вызваны одурманиванием. Предполагается, что если этими людьми не совершено уголовного преступления, то им и нет причин заглушать свою совесть, и что та жизнь, которую ведут люди, предающиеся постоянному одурманиванию себя, есть жизнь вполне хорошая и была бы точно такою же, если бы люди эти не одурманивались. Предполагается, что постоянное употребление одурманивающих веществ нисколько не затемняет их совести.

Несмотря на то, что каждый по опыту знает, что от употребления вина и табаку настроение изменяется и перестает быть совестно то, что без возбуждения было совестно; что после каждого, хотя бы и мелкого,

укора совести так и тянет к какому-нибудь дурману, и что под влиянием одурманивающих веществ трудно обдумать свою жизнь и свое положение, и что постоянное и равномерное употребление одуряющих веществ производит то же физиологическое действие, как и одновременное неумеренное, – людям, умеренно пьющим и курящим, кажется, что они употребляют одурманивающие вещества совсем не для заглушения своей совести, а только для вкуса и удовольствия.

Но стоит только серьезно и беспристрастно, не выгораживая себя, подумать об этом, чтобы понять, что, во-первых, если употребление одурманивающих веществ сразу в больших размерах заглушает совесть человека, то постоянное употребление этих веществ должно производить то же действие, так как одурманивающие вещества действуют физиологически всегда одинаково, всегда возбуждая и потом притупляя деятельность мозга, будут ли они приняты в больших или малых приемах; во-вторых, что если одурманивающие вещества имеют свойство заглушать совесть, то они имеют его всегда – и тогда, когда под влиянием их совершается убийство, воровство, насилие и когда под влиянием их говорится слово, которое не сказалось бы, думается и чувствуется то, что не думалось и не чувствовалось бы без них; и в-третьих, что если потребление одурманивающих веществ нужно для того, чтобы заглушить их совесть вора, разбойника, проституткам, то оно точно так же нужно людям, занимающимся профессиями, осуждаемыми их совестью, хотя бы профессии эти признавались законными и почетными другими людьми.

Одним словом, нельзя не понять того, что употребление одурманивающих веществ в больших или малых размерах, периодически или постоянно, в высшем или низшем кругу вызывается одною и тою же причиной – потребностью заглушения голоса совести для того, чтобы не видать разлада жизни с требованиями сознания.

III.

В этом одном причина распространения всех одуряющих веществ и между другими табака, едва ли не самого распространенного и самого вредного.

Предполагается, что табак веселит, уясняет мысли, привлекает к себе только как всякая привычка, ни в каком случае не производя того действия заглушения голоса совести, которое признается за вином. Но стоит только повнимательнее взглянуть в условия, при которых проявляется особенная потребность в курении, для того чтобы убедиться, что одурманение табаком, точно так же как и вином, действует на совесть, и что люди сознательно прибегают к этому одурманению именно тогда, когда оно нужно им для этой цели.

Если бы табак только уяснял мысли и веселил, не было бы этой страстной потребности в нем и потребности именно в известных,

определенных случаях, и не говорили бы люди, что они готовы пробыть скорее без хлеба, чем без табаку, и действительно часто не предпочитали бы курение пище.

Тот повар, который зарезал свою барыню, рассказывал, что когда он, войдя в спальню, резнул ее ножом по горлу и она упала, хрипя, и кровь хлынула потоком, то он заробел. «Я не мог дорезать, – говорил он, – и вышел из спальни в гостиную, сел там и выкурил папироску». Только одурманившись табаком, он почувствовал себя в силах вернуться в спальню дорезать старуху и разобраться в ее имуществе.

Очевидно, потребность курить в эту минуту была вызвана в нем не желанием уяснить мысли или развеселиться, а необходимостью заглушить что-то, мешавшее ему доделать задуманное дело.

Такую определенную потребность к одурманению себя табаком в известные, самые затруднительные минуты может заметить в себе всякий курящий. Вспоминаю за время своего курения, когда я чувствовал особенную потребность в табаке. Всегда это было в такие минуты, когда мне именно хотелось не помнить то, что я помнил – хотелось забыть, не думать. Сажу я один, ничего не делаю, знаю, что мне надо начать работу, и не хочется, – я закуриваю и продолжаю сидеть. Я обещал кому-либо быть у него в 5 часов и засиделся в другом месте; я вспоминаю, что я опоздал, но мне не хочется помнить это, – и я курю. Я раздражен и говорю человеку неприятное и знаю, что делаю дурно, и вижу, что надо перестать, но мне хочется дать ход своему раздражению, – я курю и продолжаю раздражаться. Я играю в карты и проигрываю больше того, чем то, чем я хотел ограничиться, – я курю. Я поставил себя в неловкое положение, я дурно поступил, ошибся, и мне надо сознать свое положение, чтобы выйти из него, но не хочется сознаться, – я обвиняю других и курю. Я пишу и не совсем доволен тем, что пишу. Надо бросить, но хочется дописать то, что задумал, – я курю. Я спорю и вижу, что мы с противником не понимаем и не можем понять друг друга, но хочется высказать свои мысли, – я продолжаю говорить и курю.

Особенность табака от других одуряющих веществ, кроме легкости одурманивания себя им и его кажущейся безвредности, заключается еще и в его, так сказать, портативности, возможности прилагать его к мелким отдельным случаям. Не говоря уже о том, что употребление опиума, вина, гашиша сопряжено с некоторыми приспособлениями, которые не всегда можно иметь, табак же и бумагу всегда можно иметь с собой, и о том, что курительщик опиума, алкоголик возбуждает ужас, человек же, курящий табак, не представляет ничего отталкивающего, – преимущество табака перед другими дурманами то, что дурман опиума, гашиша, вина распространяется на все впечатления и действия, получаемые и производимые в известный, довольно продолжительный период времени, дурман же табака может быть направлен на каждый отдельный случай. Хочешь сделать то, чего не следует, – выкуриваешь папироску, одурманиваешься настолько, насколько нужно, чтобы сделать то, что не надо было, и опять свеж и можешь ясно мыслить и говорить; или чувствуешь, что сделал то, чего не следовало, – опять папироска, и неприятное сознание дурного или неловкого поступка уничтожено, и можешь заняться другим и забыть.

Но не говоря о тех частных случаях, в которых всякий курящий прибегает к курению, не как к удовлетворению привычки и препровождению времени, а как к средству заглушения совести для поступков, которые имеют быть сделаны или уже сделаны, разве не очевидна та строго определенная зависимость между образом жизни людей и их пристрастием к курению?

Когда начинают курить мальчики? – Почти всегда тогда же, когда они теряют детскую невинность. Отчего люди курящие могут переставать курить, как скоро становятся в более нравственные условия жизни, и опять начинают курить, как только попадают в развращенную среду? почему игроки почти все курят? почему из женщин меньше курят женщины, ведущие правильный образ жизни? почему проститутки и сумасшедшие все курят? Привычка привычкой, но очевидно, что курение находится в определенной зависимости от потребности заглушения совести и что она достигает этой своей цели.

[3]

Наблюдение о том, до какой степени курение заглушает голос совести, можно сделать над всяким почти курильщиком. Всякий курильщик, предаваясь своей страсти, забывает или пренебрегает самыми первыми требованиями общежития, которых он требует от других и которые он соблюдает во всех других случаях, до тех пор, пока совесть его не заглушена табаком. Всякий человек нашего среднего воспитания признает непозволительным, неблагоприятным, негуманным для своего удовольствия нарушать спокойствие и удобство, а тем более здоровье других людей. Никто не позволит себе намочить комнату, в которой сидят люди, шуметь, кричать, напустить холодного, жаркого или вонючего воздуха, совершать поступки, мешающие и вредящие другим. Но из 1000 курильщиков ни один не постеснится тем, чтобы напустить нездорового дыма в комнате, где дышат воздухом некурящие женщины, дети. Если закуривающие и спрашивают обыкновенно у присутствующих: «вам не неприятно?» то все знают, что принято отвечать: «сделайте одолжение» (несмотря на то, что некурящему не может быть приятно дышать зараженным воздухом и находить вонючие окурки в стаканах, чашках, тарелках, на подсвечниках или даже в пепельницах). Но если бы даже некурящие взрослые и переносили табак, то детям – то, у которых никто не спрашивает, никак не может быть это приятно и полезно. А между тем люди честные, гуманные во всех других отношениях курят при детях, за обедом, в маленьких комнатах, заражая воздух табачным дымом, не чувствуя при этом ни малейшего укора совести.

Обыкновенно говорят, и я говорил, что курение содействует умственной работе. И несомненно, что это так, если смотреть только на количество умственной работы. Человеку, курящему и потому перестающему строго оценивать и взвешивать свои мысли, кажется, что

у него вдруг сделалось очень много мыслей. Но это совсем не то, что у него сделалось много мыслей, а только то, что он потерял контроль над своими мыслями.

Когда человек работает, он всегда сознает в себе два существа: одного – работающего, другого – оценивающего работу. Чем строже оценка, тем медленнее и лучше работа, и наоборот. Если же оценивающий будет находиться под влиянием дурмана, то работы будет больше, но качество ее будет ниже.

«Если я не курю, я не могу писать. Мне не пишется, я начинаю и не могу продолжать», говорят обыкновенно, говорил и я. Что же это значит? А то, что тебе или нечего писать, или то, что ты сейчас хочешь уже написать, еще не созрело в твоём создании, а только смутно начинает представляться тебе, и оценивающий живущий в тебе критик, не одурманенный табаком, говорит тебе это. Если бы ты не курил, ты или оставил бы начатое и подождал времени, когда то, о чем ты думаешь, уяснилось бы тебе, или постарался бы вдуматься в то, что смутно представляется тебе, обдумал бы представляющиеся тебе возражения и напряг бы всё своё внимание на уяснение себе своей мысли. Но ты закуливаешь, судящий в тебе критик одурманивается, и задержка в твоей работе устраняется: то, что тебе трезвому от табаку казалось ничтожным, представляется опять значительным; то, что казалось неясным, уже не представляется таким; представлявшиеся тебе возражения скрываются, и ты продолжаешь писать, и пишешь много и быстро.

IV.

«Но неужели такое малое, крошечное изменение, как легкий хмель, производимый умеренным употреблением вина и табаку, может производить какие-либо значительные последствия? Понятно, что если человек накуривается опиума, гашиша, напивается вина так, что падает и теряет рассудок, то последствия такого одурманения могут быть очень важны; но то, что человек находится под самым легким действием хмеля или табаку, никак не может иметь никаких важных последствий», говорят обыкновенно. Людям кажется, что маленький дурман, маленькое затмение сознания не может производить важного влияния. Но думать так – всё равно, что думать то, что часам может быть вредно то, чтоб ударить их о камень, но что если положить соринку в середину их хода, то это не может повредить им.

Ведь главная работа, двигающая всей жизнью людской, происходит не в движениях рук, ног, спин человеческих, а в сознании. Для того чтобы человек совершил что-нибудь ногами и руками, нужно, чтобы прежде совершилось известное изменение в его сознании. И это-то изменение определяет все последующие действия человека. Изменения же эти всегда бывают крошечные, почти незаметные.

Брюллов поправил ученику этюд. Ученик, взглянув на изменившийся этюд, сказал: «Вот чуть-чуть тронули этюд, а совсем стал другой». Брюллов ответил: «Искусство только там и начинается, где начинается чуть-чуть».

Изречение это поразительно верно, и не по отношению к одному искусству, но и ко всей жизни. Можно сказать, что истинная жизнь начинается там, где начинается чуть-чуть, там, где происходят кажущиеся нам чуть-чуточными бесконечно малые изменения. Истинная жизнь происходит не там, где совершаются большие внешние изменения, где передвигаются, сталкиваются, дерутся, убивают друг друга люди, а она происходит только там, где совершаются чуть-чуточные дифференциальные изменения.

Истинная жизнь Раскольникова совершалась не тогда, когда он убивал старуху или сестру ее. Убивая самую старуху и в особенности сестру ее, он не жил истинною жизнью, а действовал как машина, делал то, чего не мог не делать: выпускал тот заряд, который давно уже был заложен в нем. Одна старуха убита, другая тут перед ним, топор у него в руке.

Истинная жизнь Раскольникова происходила не в то время, когда он встретил сестру старухи, а в то время, когда он не убивал еще ни одной старухи, не был в чужой квартире с целью убийства, не имел в руках топора, не имел в пальто петли, на которую вешал его, – в то время, когда он даже и не думал о старухе, а, лежа у себя на диване, рассуждал вовсе не о старухе и даже не о том, можно ли или нельзя по воле одного человека стереть с лица земли ненужного и вредного другого человека, а рассуждал о том, следует ли ему жить или не жить в Петербурге, следует ли или нет брать деньги у матери, и еще о других, совсем не касающихся старухи, вопросах. И вот тогда-то, в этой совершенно независимой от деятельности животной области, решались вопросы о том, убьет ли он или не убьет старуху? Вопросы эти решались не тогда, когда он, убив одну старуху, стоял с топором перед другой, а тогда, когда он не действовал, а только мыслил, когда работало одно его сознание и в сознании этом происходили чуть-чуточные изменения. И вот тогда-то бывает особенно важна для правильного решения возникающего вопроса наибольшая ясность мысли, и вот тогда-то один стакан пива, одна выкуренная папироска могут помешать решению вопроса, отдалить это решение, могут заглушить голос совести, содействовать решению вопроса в пользу низшей животной природы, как это и было с Раскольниковым.

Изменения чуть-чуточные, а от них-то самые громадные, ужасные последствия. От того, что делается, когда человек решился и начал действовать, может измениться много материального, могут погибнуть дома, богатства, тела людей, но ничего не может сделаться больше того, чем то, что залегло в сознание человека. Пределы того, что может произойти, даны сознанием. Но от чуть-чуточных изменений, которые совершаются в области сознания, могут произойти самые невообразимые по своей значительности последствия, для которых нет пределов.

Пусть не думают, что то, что я говорю, имеет что-нибудь общее с

вопросами о свободе воли и детерминизме. Разговоры об этих предметах совершенно излишни для моей цели, да и для чего бы то ни было. Не решая вопроса о том, может или не может человек поступать так, как он хочет (вопроса, по-моему, неправильно поставленного), я говорю только о том, что так как человеческая деятельность определяется чуть-чуточными изменениями в сознании, то (все равно – признавая или не признавая так называемую свободу воли) и надо быть особенно внимательным к тому состоянию, в котором проявляются эти чуть-чуточные изменения, как надо быть особенно внимательным к состоянию весов, посредством которых мы взвешиваем предметы. Надо, насколько это от нас зависит, стараться поставить себя и других в такие условия, при которых не нарушалась бы ясность и тонкость мысли, необходимые для правильной работы сознания, а не поступать обратно, стараясь затруднить и запутать эту работу сознания потреблением одуряющих веществ.

Человек ведь есть и духовное и животное существо. Человека можно двигать, влияя на его животное существо, и можно двигать, влияя на его духовную сущность. Так же, как часы можно двигать за стрелки и за главное колесо. И как в часах удобнее руководить движением через внутренний механизм, так и человеком – собой или другим – удобнее руководить через сознание. И как в часах пуще всего надо блюсти то, чем удобнее двигать серединный механизм, так и в человеке пуще всего надо блюсти чистоту, ясность сознания, которым удобнее всего двигать человеком. Сомневаться в этом невозможно, и все люди знают это; но является потребность обманывать себя. Людям не столько хочется, чтобы сознание работало правильно, сколько того, чтобы им казалось, что правильно то, что они делают, и они сознательно употребляют такие вещества, которые нарушают правильную работу сознания.

V.

Пьют и курят не так, не от скуки, не для веселья, не потому, что приятно, а для того, чтобы заглушить в себе совесть. И если это так, то как ужасны должны быть последствия! В самом деле – подумать, какова бы была та постройка, которую строили бы люди не с прямым правилом, по которому они выравнивали бы стены, не с прямоугольным угольником, которым бы они определяли углы, а с мягким правилом, которое сгибалось бы по всем неровностям стены, и с угольником, складывающимся и приходящимся к каждому – и острому и тупому – углу.

А ведь, благодаря одурманиванию себя, это самое и делается в жизни. Жизнь не приходится по совести, – совесть сгибается по жизни. Это делается в жизни отдельных лиц, это же делается и в жизни всего человечества, слагающегося из жизни отдельных лиц.

Для того чтобы понять всё значение такого отуманения своего сознания, пускай всякий человек вспомнит хорошенько свое душевное состояние в каждый период своей жизни. Каждый человек найдет, что в

каждый период его жизни перед ним стояли известные нравственные вопросы, которые ему надо было разрешить и от разрешения которых зависело всё благо его жизни. Для разрешения этих вопросов нужно большое напряжение внимания. Это напряжение внимания составляет труд. В каждом же труде, особенно в начале его, есть период, когда труд представляется тяжелым, мучительным, и слабость человеческая подсказывает желание оставить его. Физический труд представляется мучительным в начале его; еще более мучительным представляется труд умственный. Как говорит Лессинг, люди имеют свойство переставать думать тогда, когда думанье начинает представлять трудности, и именно тогда, прибавлю я, когда думанье начинает быть плодотворным. Человек чувствует, что решение стоящих перед ним вопросов требует напряженного, часто мучительного труда и ему хочется отвилиться от этого труда. Если бы у него не было внутренних средств одурманивания, он не мог бы изгнать из своего сознания стоящих перед ним вопросов и волей-неволей был бы приведен к необходимости решения их. Но вот человек узнает средство отгонять эти вопросы всегда, когда они представляются, и употребляет его. Как только предстоящие к разрешению вопросы начинают мучить его, человек прибегает к этим средствам и спасается от беспокойства, вызываемого тревожащими вопросами. Сознание перестает требовать разрешения их, и неразрешенные вопросы остаются неразрешенными до следующего просветления. Но при следующем просветлении повторяется то же, и человек месяцами, годами, иногда всю жизнь продолжает стоять перед теми же нравственными вопросами, ни на шаг не подвигаясь в разрешении их. А между тем в разрешении нравственных вопросов и состоит всё движение жизни.

Совершается нечто подобное тому, что бы делал человек, которому через взмученную воду надо бы увидеть дно, для того чтобы достать драгоценную жемчужину, и который бы, не желая взойти в воду, сознательно взбалтывал воду, как скоро она начинала бы отстаиваться и быть прозрачной. Всю жизнь часто стоит человек одурманивающийся неподвижно на том же, раз усвоенном, неясном, противоречивом мирозерцании, упираясь при всяком наступающем периоде просветления всё в ту же стену, в которую он упирался 10–20 лет тому назад и которую нечем пробить, потому что он сознательно притупляет то острие мысли, которое одно могло бы пробить ее.

Пускай всякий вспомнит себя за тот период, во время которого он пьет и курит, и пускай проверит то же самое на других, и всякий увидит одну постоянную черту, отличающую людей, предающихся одурманиванию, от людей, свободных от него: чем больше одурманивается человек, тем более он нравственно неподвижен.

VI.

Ужасны для отдельных лиц, как описывают их нам, последствия потребления опиума и гашиша; ужасны знакомые нам последствия

потребления алкоголя на отъявленных пьяницах; но без сравнения ужаснее последствия для всего общества того, считающегося безвредным, умеренного употребления водки, вина, пива и табаку, которому предаются большинство людей, а в особенности так называемые образованные классы нашего мира. Последствия эти должны быть ужасны, если признать то, чего нельзя не признать: что руководящая деятельность общества – деятельность политическая, служебная, научная, литературная, художественная – производится большей частью людьми, находящимися не в нормальном состоянии, людьми пьяными. Обыкновенно предполагается, что человек, который, как большинство людей наших достаточных классов, употребляет алкогольные напитки при всяком принятии пищи, находится на другой день, в тот период времени, когда он работает, в совершенно нормальном и трезвом состоянии. Но это совершенно несправедливо. Человек, выпивший накануне бутылку вина, стакан водки или две кружки пива, находится в обычном состоянии похмелья или угнетения, следующего за возбуждением, и потому в умственно подавленном состоянии, которое усиливается еще курением. Для того чтобы человек, курящий и пьющий постоянно и умеренно, привел мозг в нормальное состояние, ему нужно побыть по крайней мере неделю или более без употребления вина и курения. Этого же почти никогда не бывает.

Так что большая часть всего того, что творится в нашем мире и людьми, управляющими другими и поучающими других, и людьми, управляемыми и поучаемыми, совершается не в трезвом состоянии.

И пусть не принимают это за шутку или за преувеличение: безобразие и главное – бессмысленность нашей жизни происходят преимущественно от постоянного состояния опьянения, в которое приводит себя большинство людей. Разве возможно бы было, чтобы люди непьяные спокойно делали всё то, что делается в нашем мире, – от Эйфелевой башни до общей воинской повинности. Без всякой, какой бы то ни было надобности составляется общество, собираются капиталы, люди работают, вычисляют, составляют планы; миллионы рабочих дней и пудов железа тратятся на постройку башни; и миллионы людей считают своим долгом влезть на эту башню, побыть на ней и слезть назад; и постройка, и посещение этой башни не вызывают в людях никакого другого суждения об этом, как желание и намерение еще в других местах построить еще более высокие башни. Разве трезвые люди могли бы это делать? Или другое: все европейские народы вот уже десятки лет заняты тем, чтобы придумывать наилучшие средства убийства людей и обучать убийству всех молодых людей, достигших зрелого возраста. Все знают, что нападений варваров никаких быть не может, что приготовления к убийству направлены христианскими цивилизованными народами друг на друга; все знают, что это тяжело, больно, неудобно, разорительно, безнравственно, безбожно и безумно, – и все готовятся к взаимному убийству: одни – придумывая политические комбинации о том, кто с кем в союзе и кого будет убивать; другие – начальствуя над приготовляющимися к убийству, и третьи – подчиняясь против воли, против совести, против разума этим приготовлениям к убийству. Разве трезвые люди могли бы это делать? Только пьяные, никогда не вытрезвляющиеся люди могут делать эти дела и жить в том ужасающем противоречии жизни и совести, в котором не только в этом, но во всех других отношениях живут люди нашего мира.

Никогда, мне кажется, люди не жили в таком очевидном противоречии между требованиями совести и поступками.

Человечество нашего времени точно зацепилось за что-то. Точно есть какая-то внешняя причина, мешающая стать ему в то положение, которое ему свойственно по его сознанию. И причина эта – если не одна, то главная – это то физическое состояние одурения, в которое вином и табаком приводит себя огромное большинство людей нашего мира.

Освобождение от этого страшного зла будет эпохой в жизни человечества, и эпоха эта настанет, кажется. Зло создано. Изменение в сознании по отношению к употреблению одуряющих веществ уже совершилось, люди поняли страшный вред их и начинают указывать его, и это незаметное изменение в сознании неизбежно повлечет за собой освобождение людей от употребления одуряющих веществ. Освобождение же людей от употребления одуряющих веществ откроет им глаза на требования их сознания, и они станут проводить свою жизнь в согласии с совестью.

И кажется, что это уже начинается. И, как всегда, начинается с высших классов тогда, когда уже заражены все низшие.

Предлагаемая книга излагает историю развития этого сознания.

10 июня 1890.

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ, НЕОТДЕЛАННОЕ И НЕОКОНЧЕННОЕ

[ВАРИАНТЫ К СТАТЬЕ «ДЛЯ ЧЕГО ЛЮДИ ОДУРМАНИВАЮТСЯ?»]

* № 1

К главе I.

<Духовное существо это, которое есть наше разумное сознание, проявляющееся въ видѣ совѣсти, какъ и сказано, ничего не предписываетъ, не дѣлаетъ ни малѣйшаго насилія надъ животнымъ существомъ, но не переставая указываетъ ему его отступленіе отъ требованій добра, и это указаніе парализируетъ дѣятельность существа. Точно также какъ отклоненіе компаса отъ линіи,

опредѣленной компасомъ, не насилуя того, кто руководится имъ, парализуеъ его дѣятельность, и сознание отклоненія отъ истиннаго пути выражается страданіемъ. Сознание же совпаденія съ истиннымъ путемъ даетъ радость и увеличеніе энергіи жизни.>

* № 2.

К главе I.

<Всѣ мы съ дѣтскихъ лѣтъ знаемъ радостное чувство сознанія того, что ты сдѣлалъ то, что отъ тебя ожидали, и что старшіе довольны тобой. Такъ это въ дѣтствѣ гдѣ мѣсто совести занимаетъ одобреніе другихъ. Въ молодости же и въ зрѣлыхъ годахъ, во время которыхъ одобреніе старшихъ получаетъ меньше и меньше значенія и на мѣсто его является собственное разумное сознание. Всѣ мы знаемъ, что нѣтъ болѣе радостнаго воспоминанія, какъ воспоминаніе о тѣхъ временахъ, когда ты зналъ, что сознательно дѣлалъ то, что должно было. И всѣ мы знаемъ, что нѣтъ болѣе тяжелаго воспоминанія, какъ о тѣхъ временахъ, когда ты зналъ, что надо было, и не дѣлалъ этого, или зналъ, что не надо было дѣлать то, что ты дѣлалъ, и все-таки дѣлалъ это.

Не счастье – счастье слишкомъ неопредѣленное выраженіе, но благо, главное благо жизни – въ соотвѣтствіи своихъ поступковъ требованіямъ своего сознанія, и худшее, несчастливѣйшее состояніе – это чувство несоотвѣтствія своихъ поступковъ требованіямъ своего сознанія, – разногласіе между ними.

Чѣмъ меньше разногласія, тѣмъ счастливѣе человекъ, чѣмъ больше это разногласіе, тѣмъ человекъ несчастнѣе.

Согласіе жизни и требованій сознанія есть блаженство. Разногласіе между требованіями сознанія и жизнью есть страданье, и страданье такое сильное, что человекъ не можетъ долго переносить его и такъ или иначе выходитъ изъ него.

Выходить же изъ этого разногласія есть два способа: одинъ – это приближеніе своей жизни къ требованіямъ сознанія; другой – это затемнѣніе сознанія.>

* № 3.

К главе I.

Способы внѣшніе – скрытіе указаній совѣсти посредствомъ отвлеченія вниманія – безконечно разнообразны. Таковы всякаго рода забавы, увеселенія, собранія, балы, охоты, карты, шашки, шахматы, кости. Таковы всякаго рода зрѣлища, цирки, спорты, парады, скачки, выставки, театры, всякаго рода чтенія безъ опредѣленной цѣли: газеты, романы, таковы ненужные наряды, ненужныя путешествія, ненужныя работы физическія и умственныя, отъ вышиваній въ пальцахъ до рѣшенія вопросовъ о происхожденіи видовъ, таковы заботы о приобрѣтеніи собственности и славы людской. Способовъ этихъ очень много, и всѣ они дѣйствительны, но не всегда достаточны.

* № 4.

К главе II.

Оттого и говорится и повторяется это <скверное> слово писанія (какъ жаль, что помнятъ больше всего такія слова), что вино веселитъ сердце человѣка (хотя вино собственно не веселитъ, а только уничтожаетъ ту тоску и страданіе, происходящія отъ сознанія несогласія своей жизни съ требованіями совѣсти, и потому даетъ ходъ жизни, такъ какъ при сознаніи несоотвѣтствія нельзя жить, какъ нельзя идти, не зная дороги). Вино дѣлаетъ то, что перестаетъ быть стыдно, совѣстно, скучно и мучительно, и потому кажется, что оно веселитъ.

* № 5.

К главе II.

<Къ несчастью, въ писаніи есть случайное слово: вино веселитъ сердце человѣка, и какъ всегда, умныя, важныя слова забыты, глупыя и неважныя помнятся и привидятся.>

* № 6.

К главе II.

<Про себя знаю, что когда я пилъ вино – я рѣдко напивался – раза два въ жизни – то я дѣлалъ, не будучи тѣмъ, что называется пьянымъ, подъ вліяніемъ его такіе поступки, говорилъ такія вещи (а въ нашемъ быту главные наши поступки – слова), которые и не подумалъ бы сдѣлать и сказать безъ вина.>

* № 7.

К главе II.

<Морфинистъ требуетъ одного спокойствія физическаго, безболѣзненности, и наркотикъ даетъ ему это. Сознаніе ѣдока или курильщика опиума и хашиша требуетъ удовлетвореній похоти, которые невозможны ему, и наркотикъ погружаетъ его въ состояніе галлюцинаціи, при которомъ ему кажется, что онъ имѣетъ то, чего ему хочется. Разница хашиша, опиума отъ алкоголя и табака та, что табакъ разрѣшаетъ судью и критика умственнаго, распускаетъ преимущественно умъ и рѣчь, алкоголь – преимущественно чувство, морфинъ, хашишъ и опиумъ преимущественно воображеніе. При первомъ – табачномъ опьяненіи усыпляется задерживающій размахъ и произволь ума, при алкоголе – задерживающее чувство, при морфине, опиуме, хашишѣ – воображеніе>

* № 8.

К главе II.

Всѣ знаютъ, что страстные потребители морфина, опиума, хашиша, предаваясь своему пороку и живя въ мірѣ воображенія, въ который ихъ переносятъ пріемъ одуряющаго вещества, все болѣе и болѣе становятся равнодушными къ жизни, не стараясь уже измѣнять ни себя, ни условія своей жизни соотвѣтственно требованіямъ своего сознанія, и становятся тѣмъ, что называется невмѣняемыми. Ненормальность этихъ людей признается всѣми, и мы совершенно справедливо относимся къ нимъ, какъ къ больнымъ людямъ, съ которыми нельзя разсуждать, но которыхъ надо лѣчить. Почему же люди нашего міра, постоянно пьющіе вино и курящіе, представляются намъ совершенно нормальными, и намъ и въ голову не приходитъ, что люди, потребляющее алкоголь и табакъ, точно также люди не нормальные и больные, какъ и морфинисты или ѣдоки и курильщики опиума и хашиша? –

Если можно установить различіе между послѣдствіями потребленія опиума, хашиша, морфина, алкоголя и табаку, то только въ особенностяхъ нарушенія цѣльности душевной дѣятельности: одно вещество нарушаетъ одну сторону душевной дѣятельности, другое – другую; но всѣ одинаково нарушаютъ нормальность этой дѣятельности, а потому всѣ одинаково достигаютъ цѣли скрыть отъ человѣка требованія его сознанія. Я не испыталь дѣйствія морфина, опиума, хашиша и могу судить о дѣйствіи ихъ только по тому, что слышалъ и читаль, а потому и мнѣніе мое о томъ, на какую сторону душевной дѣятельности дѣйствуютъ морфинъ, опиумъ, хашишь, я высказываю только какъ предположеніе, тогда какъ дѣйствіе алкоголя и табаку, которое я испыталь на себѣ и постоянно наблюдаю, я утверждаю, какъ несомнѣнное данное опыта и наблюденія, всегда могущее быть провѣреннымъ и подтвержденнымъ. Дѣйствіе морфина и опиума, мнѣ кажется, состоитъ преимущественно въ уничтоженіи въ человѣкѣ сознанія его физической слабости, дѣйствіе хашиша – въ уничтоженіи руководителя воображенія. Такъ я предполагаю. Дѣйствіе же алкоголя состоитъ въ уничтоженіи сознанія чувства хорошаго и дурнаго; табака – въ уничтоженіи сознанія разумнаго и бессмысленнаго. Опиумъ и морфинъ уничтожаютъ, какъ бы, совѣсть тѣла, хашишь – совѣсть воображенія, алкоголь – совѣсть чувства, табакъ – совѣсть ума. –

О морфинѣ, опиумѣ, хашишѣ я предполагаю, но о винѣ и табакѣ я утверждаю. Утверждаю, что вино лишаетъ человѣка совѣсти, табакъ – разума.

* № 9.

К главе II.

<Такъ что не въ однихъ тѣхъ случаяхъ, когда нужно выпить для храбрости, чтобъ поѣхать къ женщинамъ, украсть, убить, одурманиваніе виномъ заглушало совѣсть. Оно заглушаетъ ее всегда> и тогда, когда подъ вліяніемъ его <не совершается особенно рѣзкихъ, нарушающихъ порядокъ жизни поступковъ, и совѣсть заглушается нетолько тогда,> когда человѣкъ напьется до того, что шатается и путается языкомъ, но и тогда, когда <человѣкъ пьетъ свою постоянную и умѣренную порцію. Едва ли даже не полнѣе при умѣренномъ и постоянномъ употребленіи. При сильномъ пьянствѣ, напримѣръ, бываетъ просвѣтъ, во время котораго человѣкъ можетъ одуматься. При умѣренномъ и постоянномъ употребленіи ихъ нѣтъ. Напрасно думаютъ, что дѣйствіе вина прекращается черезъ 3–4 часа, дѣйствіе его на душевное состояніе продолжается не менѣе сутокъ, доказательствомъ чего служитъ такъ называемое похмѣліе.

Одинъ хмѣль не успѣетъ пройти до половины, какъ напускается уже другой. Въ промежуткахъ же подбавляются приемы табачнаго дурмана, такъ что умѣренно пьющіе и курящіе люди живутъ постоянно съ подавленной, недѣйствующей совѣстью.>

* № 10.

К главе II.

Людымъ одуреннымъ никакъ нельзя видѣть своего положенія. Они не выходятъ изъ состоянія дурмана. Человѣкъ, постоянно употребляющій спиртные напитки, выпиваетъ свою порцію водки, вина, пива за завтракомъ. Не успѣетъ пройти хмѣль, держащійся болѣе 5 часовъ, какъ наступаетъ обѣдъ, потомъ ужинъ, ежели въ промежуткахъ еще не выпиваются экстренныя порціи. Въ промежуткахъ же не прекращается куреніе табаку, такъ что если и выбивается у иныхъ совѣсть изъ за опьяненія вина – табакъ заглушаетъ эти послѣдніе проблески.

* № 11.

К главе III.

Таково внѣшнее различіе дѣйствія опиума, алкоголя и табаку, но есть и внутреннее различіе. Различіе это, насколько я его наблюдалъ на себѣ и другихъ, въ томъ, что алкоголь заглушаетъ, такъ сказать, совѣсть чувства, а табакъ – совѣсть разума. Алкоголь скрываетъ требованія совѣсти чувства, устраняетъ задерживающую силу, которая не позволяетъ выразиться всѣмъ зарождающимся чувствамъ. Табакъ устраняетъ ту задерживающую силу разума, которая не позволяетъ высказываться всѣмъ зарождающимся неяснымъ мыслямъ.

* № 12.

К главе III.

Лесингъ говоритъ: viele Leute hoeren mit dem Denken da auf wo das

Denken anfaengt ihnen Shwirigkeit zu bereiten

[4] – начинается быть трудно. (Можно прибавить: гдѣ только думанье и плодотворно). Каждый знает, что при работѣ мысли, какъ и при всякой работѣ, наступаетъ моментъ, когда является ощущение напряженія труда, тотъ моментъ, когда именно и достигается плодъ мышленія; и вотъ тутъ–то, какъ и въ физической работѣ, является искушеніе – не идти дальше, отдохнуть, бросить. Вотъ этому–то самому искушенію помогаетъ табакъ. Человѣку смутно начинаютъ представляться дальнѣйшіе новые выводы. Ему нужно напряженіе вниманія, чтобы разсмотрѣть ихъ. Онъ усталъ, ему тяжело. Онъ закуриваетъ; то небольшое, что было видно, скрывается.

* № 13.

К главе III.

<Ни на чемъ это такъ не видно, какъ на шахматной игрѣ. Партія идетъ обычно, но вотъ наступаетъ важный, рѣшающій ходъ, игрокъ думаетъ, соображаетъ и не рѣшается, наконецъ, если онъ курить, онъ зажигаетъ папиросу, затягивается, одурманивается и дѣлаетъ ходъ. Собственно, происходитъ тутъ слѣдующее: каждый игрокъ по свойству своей головы и вслѣдствіе большей или меньшей практики игры можетъ обдумать варианты ходовъ до извѣстныхъ предѣловъ. Когда наступаетъ трудный ходъ, игрокъ дѣлаетъ напряженіе, чтобы видѣть дальше этихъ предѣловъ, и, смутно представляя себѣ дальнѣйшіе варианты, испытываетъ ощущение тяжести напряженія. Для того, чтобы поступить разумно, ему надо бы сдѣлать еще бѣльшее напряженіе, но вмѣсто этого онъ, подъ предлогомъ того, что куренье проясняетъ ему мысли, закуриваетъ, одурманивается, скрываетъ отъ себя эти дальнѣйшія возможности соображеній и, не видя уже ихъ, ограничивается меньшими вариантами, низшими соображеніями – и дѣлаетъ ходъ. Тоже самое происходитъ при всѣхъ умственныхъ работахъ.>

* № 14.

К главе III.

Каждое наркотическое вещество усыпляет различныя свойства сознанія. Насколько я могу судить, не испытывъ самъ дѣйствія морфина и опиума, морфинъ и опиумъ заглушаютъ преимущественно совѣсть тѣла. Человѣкъ теряетъ сознаніе несоотвѣтствія состоянія тѣла съ требованіями здороваго состоянія – отъ этого прекращеніе страданій – усыпленіе. Хашишь, сколько я могу судить по тому, что читаль о немъ, преимущественно заглушаетъ совѣсть представленій. Человѣкъ, не теряя сознанія тѣла, теряетъ сознаніе несоотвѣтствія своихъ представленій съ дѣйствительностью, и отъ того – преувеличенныя, пространственныя и временныя мечтанія. Алкоголь, сколько я могъ наблюдать его дѣйствіе на себѣ и другихъ, заглушаетъ преимущественно совѣсть чувства. Не теряя въ первой степени опьяненія ни сознанія своего тѣла, ни сознанія представленій дѣйствительности, человѣкъ теряетъ сознаніе несоотвѣтствія своихъ чувствъ съ требованіями совѣсти. <Пьяный виномъ человѣкъ проявляетъ всѣ тѣ чувства, которыхъ онъ не выказываль, будучи трезвымъ. Табакъ, сколько я могъ наблюдать его дѣйствіе на себѣ и другихъ, заглушаетъ совѣсть мысли. Человѣкъ подъ вліяніемъ табака, не теряя сознанія ни тѣла, ни представленія дѣйствительности, ни нравственнаго чувства, теряетъ сознаніе соотвѣтствія своихъ мыслей и выраженія ихъ съ требованіями здраваго смысла. Если представить себѣ совѣсть, какъ регуляторъ дѣятельности тѣла, воображенія, поступковъ и мыслей, то морфинъ и опиумъ освобождаютъ отъ регулятора тѣлеснаго, хашишь – отъ регулятора воображенія, вино – отъ регулятора чувствъ, табакъ – отъ регулятора мыслей и словъ.

То, что я говорю о дѣйствіи опиума и хашиша, я говорю гадательно, то же, что я говорю о дѣйствіи алкоголя и табака, я говорю по опыту и наблюденію, которые всегда могутъ быть провѣрены. Различіе между дѣйствіемъ на людей дурмана вина и табака очень опредѣленно и ясно. Опьяненіе виномъ скрываетъ несоотвѣтствіе желаній, опьяненіе табакомъ – несоотвѣтствіе мыслей съ требованіями совѣсти. Трудно сказать, какое изъ двухъ вреднѣе. Одно дополняетъ другое.>

Трезвый отъ вина человѣкъ одерживаетъ проявленіе своихъ чувствъ. Сознавая несоотвѣтствіе своихъ желаній съ требованіями совѣсти, онъ подавляетъ ихъ и воздерживается отъ поступковъ. – Опьяненіе же виномъ скрываетъ отъ него требованія совѣсти и тѣмъ устраняетъ то, что задерживало проявленіе чувствъ, и у пьянаго нетолько на языкѣ, но и на дѣлѣ то, что было у трезваго на умѣ.

Табакъ, насколько я могъ наблюдать его дѣйствіе на себѣ и другихъ, дѣйствуетъ почти также, но съ тою разницею, что онъ заглушаетъ преимущественно совѣсть мысли. Накурившийся человѣкъ, не теряя сознанія тѣла, представленій дѣйствительности и даже сознанія требованій совѣсти, теряетъ сознаніе несоотвѣтствія своихъ мыслей и выраженій ихъ съ требованіями разума.

Трезвый отъ табака, т. е. не накурившійся человекъ боится дать ходъ всѣмъ тѣмъ мыслямъ, которыя пробѣгаютъ у него въ головѣ, и высказать ихъ словами. Онъ сознаетъ несоотвѣтствіе ихъ съ требованіями здраваго смысла. Опьяненіе же табакомъ скрываетъ отъ него это несоотвѣтствіе, всѣ проходящія ему черезъ голову мысли кажутся ему одинаково хорошими и важными, и онъ высказываетъ ихъ, не взвѣсивая, не сличая и не оцѣнивая ихъ.

* № 15.

К главе III.

<Если бы Кантъ и Спиноза не курили, то вѣроятно Критика чистаго разума не была бы написана такимъ ненужно непонятнымъ языкомъ и Этика Спинозы не была бы облечена въ несвойственную ей форму математическаго сочиненія, и т. п.>

* № 16.

К главе IV.

Видю я побоище Севастополя, ползающихъ раненыхъ, которыхъ Пелисье не даетъ убирать, чтобъ нагнать страхъ. Это ужасно.

Да. Но на дняхъ я вижу юнкера въ обтянутыхъ штанахъ, надушеннаго, и присутствую при его разговорѣ съ старымъ человекомъ, защитникомъ системы мира, говорящимъ

[5] объ ужасѣ, жестокости, незаконности, нехристианности войны. Юнкеръ спорить, горячится. Старикъ говоритъ: «ну, вы добрый молодой человекъ, счастливый, какъ, за что вы будете участвовать въ бойнѣ? Развѣ нѣтъ другихъ дѣлъ?» – И я вижу, что у юноши идетъ борьба. Въ сознаніи – вѣсы стоятъ ровно. Надо только не нарушать его. Юноша закуриваетъ. – «Нѣтъ, – говоритъ онъ, – я присягалъ: я убью, и убью того, кто не пойдетъ убивать». – Что страшнѣе? Конечно, второе. Первое кончилось, когда совершилось, а юноша этимъ рѣшеніемъ, словомъ несетъ въ міръ страшныя послѣдствія.

Такъ вотъ отъ этихъ—то чуть чуточныхъ измѣненій въ области мысли происходитъ вся истинная жизнь человѣка и человѣчества.

* № 17.

К главе V.

Дѣлается ужасное дѣло.

Человѣчество движется впередъ къ своему нравственному совершенству. Движеніе это совершается движеніемъ отдѣльныхъ лицъ. Движеніе отдѣльныхъ лицъ совершается умственными и нравственными усиліями. Нравственныя усилія эти производятъ все движеніе впередъ человѣчества, въ нихъ вся жизнь человѣчества. И эти—то усилія, тѣ, которыми одними движется человѣчество, сознательно парализируются употребленіемъ одурманивающихъ веществъ.

* № 18.

К главе V.

Человѣкъ нашего круга, т. е. достаточный и образованный, живетъ, какъ всѣ въ Россіи, Англіи, Франціи, Америкѣ, потребляя при каждой ѣдѣ умеренное количество алкогольнаго питья, или куря по нѣскольку сигаръ или папиросъ въ день, или употребляя и то и другое. Человѣкъ этотъ никогда не бываетъ пьянъ и не заговаривается, не шатается. Онъ читаетъ, пишетъ статьи, сочиненія, служитъ, засѣдаетъ въ палатѣ, судѣ и говоритъ рѣчи въ палатахъ и за обѣдами. Человѣка этаго считаютъ нормальнымъ. Но стоитъ сравнить человѣка въ этомъ состояніи постоянного одурманиванья съ нимъ же самимъ, если бы онъ подвергалъ себя постоянному опьяненію, или со всякимъ другимъ совершенно трезвымъ отъ алкоголя и табаку, чтобы убѣдиться, что человѣкъ этотъ далеко не въ нормальномъ положеніи.

Человѣкъ, выпивающій по рюмкѣ водки или стакану вина за завтракомъ, обѣдомъ, ужиномъ или выкуривающій 10, 20 папиросъ или трубокъ въ день, никогда не бываетъ свободенъ отъ дурмана, хотя и не лишающаго его способности низшей душевной дѣятельности, лишающаго его полной ясности мысли.

* № 19.

К главе VI.

Куренье притупляет, такъ сказать, самое острое совѣсти, затемняетъ совѣсть разума и потому даетъ просторъ безпорядочной, бессмысленной умственной дѣятельности. Отъ этого эти не могущіе имѣть никогда никакого конца разговоры, которые не переставая происходятъ въ накуренныхъ комнатахъ съ неугасаемыми папиросами во ртахъ, разговоры того особеннаго папиросочнаго характера, въ которыхъ всѣ торопятся говорить, спорять, волнуются и никогда не могутъ сказать, зачѣмъ они говорятъ то, что говорятъ. Отъ этого это огромное количество всякаго рода литературныхъ, переливающихъ изъ пустаго въ порожнее произведеній, которыя нельзя иначе назвать какъ дурманными, вертящихся десятками лѣтъ все на одномъ и томъ же, носящихъ на себѣ этотъ особенный папиросочный характеръ, состоящій, главное, въ томъ, что чувствуется, что тому, кто говорить и пишетъ, нѣтъ никакой надобности говорить или писать о томъ, о чемъ онъ говорить или пишетъ. Отъ этого вообще это огромное количество книгъ, затопляющихъ своей бесполезной массой все дѣйствительно полезное и хорошее, и отъ этого и писанья и произведенія искусства разбора гораздо более низкаго, чѣмъ тотъ, къ которому должны бы принадлежать произведенія людей, которые ихъ составляютъ.

* № 20.

К главе VI.

Кажется, что благодаря этому всеобщему постоянному опьяненію никогда человѣчество не жило въ такомъ разладѣ между сознаниемъ и практикою жизни. Возьму для примѣра хоть три всегда поражающія меня явленія и отношеніе къ нимъ людей.

Никогда, мнѣ кажется, сознание ужасовъ, жестокости, безнравственности, бессмысленности войны не было столь общимъ, и никогда такъ старательно не вооружались всѣ народы другъ противъ друга.

Никогда, мнѣ кажется, сознание несправедливости угнетенія однихъ людей для удовлетворенія порочныхъ прихотей другихъ не было столь общимъ, и никогда безумная роскошь не доходила до такихъ предѣловъ.

Никогда не было такъ обще сознание необходимости соединенія людей въ одномъ общемъ и разумномъ вѣрованіи, и никогда съ такой

исключительностью и неуступчивостью не проповѣдовались самая дикія, устарѣвшія и вновь выдумываемыя самая нелѣпныя религіозныя ученія и пр. и пр.

* № 21.

К главе VI.

Только вслѣдствіи этого постоянного дурмана отъ алкогольныхъ напитковъ и куренія, въ которомъ находятся почти всѣ люди нашего общества, происходитъ то необыкновенное явленіе, что люди нашего круга, умные, образованные, заняты такъ серьезно такими удивительными пустяками, которыми они заняты. Только вслѣдствіи этого всеобщаго одурманиванія возможно появленіе такого огромнаго количества всякаго рода литературныхъ произведеній никому ненужныхъ. Только вслѣдствіи этого всеобщаго состоянія одуренія возможно появленіе этихъ безчисленныхъ такъ называемыхъ произведеній искусства, главный характеръ которыхъ состоитъ въ томъ, что они никому ни на что не нужны. Только вслѣдствіи этаго состоянія одуренія возможны эти столь обыкновенныя въ нашемъ обществѣ, вездѣ въ данное время, все одни и тѣже разговоры и споры, вертящіеся все на одномъ и томъ же, никому ничего не объясняющіе и никому даже не нужные. Только вслѣдствіи этаго всеобщаго одуренія происходитъ въ жизни та поразительная, но никѣмъ не замѣчаемая противоположность между поступками людей и тѣми принципами, которые они исповѣдуютъ.

* № 22.

10 Апр. 1890. Ясн. Поляна.

Спросить у человѣка, въ чемъ его счастье? и вы получите безконечно разнообразныя отвѣты: одинъ хочетъ быть богатъ, другой славенъ, третій быть любимымъ предметомъ своей любви и т. д. Но спросите у человѣка, когда онъ былъ наиболѣе счастливъ. И всякій человѣкъ, способный вспомнить и обдумать, скажетъ, что онъ былъ счастливъ, наиболѣе счастливъ тогда, когда его жизнь, его поступки наиболѣе сближались или совпадали съ требованіями его совѣсти, когда онъ дѣлалъ то, что по своей совѣсти долженъ былъ дѣлать, и дѣлалъ такъ, какъ по своей совѣсти долженъ былъ дѣлать.

* № 23.

Человѣкъ живѣ духомъ, а не плотью. Отрѣжь у человѣка руку, ногу, обѣ руки, обѣ ноги, человѣкъ все человѣкъ – душа Божія. Но повредись человѣкъ въ разумѣ и совѣсти, хоть бы и всѣ члены у него были цѣлы и былъ бы онъ сильнѣй и быстрѣй всякаго другаго человѣка, человѣкъ уже не человѣкъ, а хуже безсловесной скотины. [6] Жизнь человѣка въ духѣ его, въ разумѣ и совѣсти его. И потому какъ ни страшны человѣку поврежденія тѣла и членовъ его, страшнѣе всего человѣку должны быть поврежденія духа, разума и совѣсти его. А между тѣмъ мы видимъ, что люди, которые всѣми силами берегутъ отъ поврежденія свое тѣло и члены, сами своей охотой подвергаютъ поврежденію свои духовныя силы, свои разумъ и совѣсть. Мало того, ищутъ этого поврежденія, привыкаютъ повреждать свою душу, въ поврежденіи этомъ находятъ удовольствіе. Человѣкъ бережетъ свои руки, ноги, чтобъ не замозолить, не занозить ихъ, да что я говорю: руки, ноги – лицо бережетъ отъ загара, ногти, волосы бережетъ; этотъ же человѣкъ нисколько не жалѣетъ своего разума и совѣсти и охотно или выпиваетъ одурманивающаго питья, или накуривается одурманивающей травы, опиума, хашиша, табаку, затемняя тѣмъ свою совѣсть и разумъ.

Нигдѣ и никогда или очень рѣдко люди уродуютъ свое тѣло, то тѣло, въ которомъ нѣтъ силы жизни, и вездѣ и всегда люди уродуютъ свою душу, то самое, въ чемъ самая сила жизни. Отчего такое странное дѣло? Зачѣмъ люди уродуютъ свою душу? Откуда берется у людей, у большинства людей эта потребность одурманиваться? –

Я много думалъ и читалъ объ этомъ, наблюдалъ эти привычки надъ другими людьми и, главное, самъ надъ собой замѣчалъ тогда, когда я самъ пилъ и курилъ, и въ особенности когда я старался отвыкать отъ того и другаго и могъ наблюдать въ себѣ тѣ причины, которыя тянули меня къ одурманиванію себя виномъ и табакомъ. По моему, причина происходитъ вотъ отъ чего:

Тѣло человѣка есть орудіе, посредствомъ котораго человѣкъ дѣлаетъ то, что показываетъ ему душа. Въ душѣ человѣкъ носитъ всегда образцы того, что онъ долженъ дѣлать, того, чѣмъ онъ долженъ быть. Чтобы ни дѣлалъ человѣкъ, въ душѣ его всегда есть голосъ, который на каждый шагъ, на каждый поступокъ его говоритъ ему, такъ или не такъ онъ дѣлаетъ или, точнѣе, на сколько то, что онъ дѣлаетъ, близко или далеко отъ того, что онъ долженъ дѣлать. Все равно какъ ватерпасъ и угольникъ, на которые прикидываетъ каменщикъ или плотникъ все, что онъ сдѣлаетъ, показываетъ ему, на сколько прямо или не прямо то, что онъ дѣлаетъ.

Плотникъ бережетъ свой ватерпасъ, отвѣсь и угольникъ для того, чтобы они не покривились и чтобы то, что онъ дѣлаетъ, не вышло кривымъ.

Казалось бы и человеку надо всеми силами беречь свою совесть и разум для того, чтобы всегда знать, что ему должно делать. Но разница в том, что плотник и каменщик здесь сейчас должны сдать свою работу и здесь сейчас подрядчик или хозяин не примут его работу, если она сделана криво; от человека же принимает его работу жизни не другой человек, а сам Бог, и принимает ее, какая бы она ни была, предоставляя самому человеку судить о том, крива или прямо, угодна или не угодна Богу его работа. И вот от этого то и происходит то, что одни люди стараются как можно улучшить свою работу, приближать ее к тому образцу, который заложен в их совести, и для этого как можно больше берегут ясность и чистоту своего образца, чтобы быть в состоянии все больше и больше приближаться к нему, другие же, отдалившись от образца, стараются не видеть его и для этого стараются затемнить его. В этом одном я нашел объяснение того непонятного всеобщего стремления слабых людей затемнять в себя табак, вино, хашиш, опиум, то, что есть в них самого дорогого, самого главного – своих совести и разум.

* № 24.

И доволен и истинно счастлив, спокоен, радостен бывает человек только тогда, когда дела его близко подходят к тому, что показывает ему его совесть и угольник, т. е. его разум и совесть. Чем ближе сходятся стана и уголь с совестью и угольником, тем радостнее плотнику, чем ближе дела человека к тому, чего требует от него совесть, тем радостнее человек, и тем тревожнее и несчастнее человек, чем больше удаляется одно от другого.

Все большее и большее приближение того, что делает человек, с тем, чего требует его совесть, и составляет главное дело жизни всякого человека, потому что в этом приближении только истинное счастье, и в обратном, в удалении поступков от того, чего требует совесть – все несчастье человека. Так что, казалось бы, человеку дано все для того, чтобы он был счастлив – дан ему верный совесть и угольник, показывающие ему, как и что ему надо работать, и дана ему возможность работать и приближаться к тому, что должно быть, и в этом находить счастье.

Казалось бы, чего же еще нужно человеку, стоит ему идти по открытому ему пути, и он верно получает благо, но, видно, нужно человеку испытать все роды обманов и ложных путей, прежде чем взойти на истинный путь, и вот люди, вместо того, чтобы приближать свои поступки к тому, чего требует совесть, придумали средство, не изменяя своей жизни, приближать к своей дурной жизни требования

совѣсти. Средства эти въ томъ, чтобы не стѣну выправлять по отвѣсу, а отвѣсъ отводить рукой по кривой стѣнѣ и думать, что стѣна прямая, одурманить и покривить совѣсть по своимъ дурнымъ дѣламъ и считать дурныя дѣла – хорошими.

* № 25.

Удивительное дѣло: жили, жили люди безъ вина и безъ табаку, и теперь есть люди, которые живутъ безъ нихъ, и понемногу, понемногу стали пить и курить люди, и теперь дошло до того, что пьютъ и курятъ уже почти всѣ, и мужчины, и женщины, и дѣти даже, такъ что вина и табаку выходитъ столько, что отдавай люди тѣ деньги или тѣ труды, которые они тратятъ на табакъ и вино, то можно бы прокормить и одѣть и призрѣть всѣхъ бѣдныхъ, убогихъ, больныхъ и старыхъ и обучить въ хорошихъ училищахъ всѣхъ дѣтей всего міра. Но не это удивительно; – мало ли люди тратятъ силъ и трудовъ для своихъ удовольствій. И ничего бы не было удивительного, если бы питье вина и куренье табаку сами по себѣ доставляли бы удовольствіе, такъ, какъ доставляютъ такое удовольствіе[7] игра, охота, роскошь, хорошая пища, плотская любовь. Всѣ эти дѣла прямо тянутъ къ себѣ человѣка, потому что онѣ прямо пріятны человѣку. Но совсѣмъ не то съ виномъ, табакомъ у насъ (и хашишемъ и опиумомъ въ Азіи и Африкѣ); всѣ эти одурманивающія веще[ства] сами по себѣ не доставляютъ удовольствія и человѣка не тянутъ къ себѣ, напротивъ (алкоголь, въ чемъ бы онъ ни былъ въ винѣ, въ водкѣ, въ пивѣ ли) алкоголь самый тотъ, отъ котораго крѣпость вина, и никотинъ, отъ котораго крѣпость табака, ни то ни другое не манится человѣку, а напротивъ отталкиваетъ, и всякій свѣжій человѣкъ, не испорченный привычкой, предпочтетъ пить сладкій, но не пьяный напитокъ и дышать чистымъ воздухомъ, а не табачнымъ дымомъ, и нюхать запахъ травы, цвѣтовъ, а не никотина.

И вмѣстѣ съ тѣмъ такъ или иначе, но люди, понемногу принуждая себя, преодолеваютъ непріятность, происходящую отъ питья и куренья, привыкаютъ къ тому и другому и привыкаютъ такъ сильно, что готовы лишать себя всего – не только удовольствій, но и необходимаго; только бы имѣть возможность курить или пить.

—

Комментарии Н. Н. Гусева и В. Д. Пестовой

Цитаты из дневников и записных книжек, приводимые в комментариях ко всем произведениям данного тома, извлекаются из неопубликованных пока автографов, хранящихся в Архиве Толстого в Публичной библиотеке СССР имени В. И. Ленина. Выдержки из неопубликованных писем Толстого и к Толстому в комментариях извлекаются также из автографов, хранящихся в различных рукописных собраниях. Сокращенные ссылки, делаемые при этом, означают: АТ – Архив Толстого, хранящийся в Публичной библиотеке СССР имени В. И. Ленина, АЧ – Архив В. Г. Черткова, хранящийся в Государственном Толстовском музее и частично у В. Г. Черткова, ГТМ – Государственный Толстовский музей, ИРЛ – Институт русской литературы Академии наук СССР.

«ДЛЯ ЧЕГО ЛЮДИ ОДУРМАНИВАЮТСЯ?»

С 1887 года Толстой начинает интересоваться вопросом о борьбе с алкоголизмом. В этом году им было основано общество трезвости, которому он дал название «Согласие против пьянства». В следующем 1888 году им были написаны две статьи против пьянства – «К молодым людям» и «Пора опомниться». В следующем 1889 году им была написана по данному вопросу статья «Праздник просвещения», проредактированы три статьи Ф. А. Желтова о пьянстве, велась переписка с рядом лиц по вопросу о борьбе с пьянством; о вреде вина и табака он говорил даже на волостном сходе, но «получил отпор», о чем записал в Дневнике 3 октября 1889 г.

Первая запись в Дневнике о статье «Для чего люди одурманиваются?» относится к 16 января 1890 г., когда Толстой записывает: «Надо написать... два предисловия: к Балу и к Алексееву». Предисловие «к Алексееву» и было названо впоследствии «Для чего люди одурманиваются?»; статья эта появилась как предисловие к книге доктора П. С. Алексеева «О пьянстве».

[8] Однако к исполнению этого намерения Толстой приступает только почти через четыре месяца. 9 апреля 1890 г. Толстой пишет С. А. Рачинскому: «У меня лежит прекрасная статья доктора Алексеева: история борьбы против пьянства; и мне очень хочется написать к ней предисловие. Разумеется, это для образованного класса. Образованные классы в этом отношении очень не образованы. Но всё не успею. Дел набирается перед смертью обратно пропорционально квадрату расстояния».

Однако, уже на другой день, 10 апреля, Толстой принимается за задуманную статью: этим числом помечен автограф, представляющий брошенное начало статьи. 13 апреля Толстой записывает в Дневнике: «Третьего дня писал опять о наркотиках. Не дурно». Не беремся

сказать, относится ли запись к последней редакции статьи, или к одному из трех брошенных начал ее. После этого Дневник молчит о работе над статьей вплоть до 1 мая, когда записано: «Писал статью о пьянстве и кончил». Слово «кончил» в данном случае, как и часто у Толстого, означает только то, что статья была вчерне дописана до конца, но не означает того, что была прекращена всякая дальнейшая обработка статьи, занявшая еще много времени.

По записи Дневника, уже 3 мая Толстой «правил статью». 4 мая помечена на обложке сделанная М. Л. Толстой копия статьи. 5 мая Толстой записывает в Дневнике следующие три заметки «к статье о пьянстве»: «1) Человеку нужно разрешить нечто трудное, чтобы идти вперед, надо осветить, и вот он затемняет наркот[иками]. 2) Человек упирается в то же затруднение и не разрешает. Для движения вперед нужна ясность, и то затемняют. 3) Нужно самое острое, его-то сшибают».

Эти мысли были развиты Толстым в пятой (по окончательной редакции) главе статьи. В Дневнике 10 мая находим еще следующую запись к той же статье (вошедшую в ту же главу): «Прелестно и нужно для статьи о пьянстве слова Лесинга: «Многие люди перестают думать тогда, когда думанье начинает быть трудным». Я прибавил бы: и плодотворным».

18 мая, записывая за 7 дней, Толстой, перечисляя свои работы за это время, отмечает и то, что он «начал поправлять предисловие о пьянстве». (14 мая статья переписывается М. Л. Толстой, как это указано ею на одной из обложек черновых рукописей статьи.) После этого в течение нескольких дней читаем в Дневнике почти ежедневные записи о работе над данной статьей. Так, 19 мая Толстой пишет: «Предисловие немного поправлял. Остановился на 2-й части. Надо всё переделать. Очень тема важна. И то писал только вечером». 21 мая: «Чуть чуть поправил предисловие». 22 мая – опять работа над предисловием; 23 мая Толстой опять «немного» писал предисловие; 25 мая вновь «немного поправлял о дурмане»; 28 мая – также «поправлял статью о пьянстве»; 29 мая – «немного пописал»; 30 мая «сел писать», но помешали; 31 мая – «немного писал статью». После этого следует перерыв в два дня. 3 июня работа продолжалась, как это видно из пометки М. Л. Толстой на обложке одной из копий статьи. По Дневнику, 4 июня Толстой опять «писал», а 5 июня – «кончил статью». 8 июня «немного поправлял уже поправленное», а 10 июня «много поправлял». Запись: «поправлял» имеется также и под 11 июня; эту запись мы считаем последней, несомненно относящейся к статье «Для чего люди одурманиваются?»

13 июля Толстой получает корректуру статьи и в тот же день записывает в Дневнике: «Корректуры статьи от Гольцева.

[9] Надо прибавить». На следующий день, 14 июля, пишет: «Сажусь за статью». И позднее в тот же день: «Поправил все корректуры. Не кончил заключение». Затем 19 июля Толстой «писал немного к

трезвости», т. е., очевидно, добавление к статье.

При отсылке корректур Толстой написал В. А. Гольцеву следующее письмо: «Посылаю вам, дорогой Виктор Александрович, исправленное предисловие. Я бы не утруждал вас, а послал бы прямо в типографию, но не знаю, в какую, а потому прошу уже вас: 1) попросить в типографии, чтобы, исправив, прислали мне два экземпляра сверстанные, 2) чтобы вы сами, прочтя, решили, что может вызвать запрещение всей книги, и выкинули бы. Когда может выйти книга? Нельзя ли отпечатать предисловие отдельной брошюрой?»

25 июля Толстой с уезжавшим из Ясной поляны переводчиком его сочинений на немецкий язык Р. Левенфельдом отправил В. А. Гольцеву письмо, в котором писал, что просил Левенфельда «кое-что» передать Гольцеву о его статье. Что просил Толстой передать Гольцеву, нам неизвестно.

6 августа Толстой читал сверстанную корректуру статьи, как отмечено у него в Дневнике. 24 или 25 августа Толстой писал В. А. Гольцеву: «В корректуре моего предисловия в выноске 24-й и 25-й стр[аниц] до слова: «Во-вторых», находящегося на 6 строке выноски 25-й страницы, есть поправки. Все эти поправки уничтожить и оставить, как было до поправок. Всё это, разумеется, если еще не отпечатано».

Так как правленных Толстым гранок статьи «Для чего люди одурманиваются?» не сохранилось, то выяснить, какие из своих поправок отменял Толстой этим письмом, невозможно.

Статья Толстого появилась впервые в переводе на английский язык, сделанном Э. Диллоном, в февральском номере лондонского журнала «Contemporary Review», под названием: «Wine Drinking and Tobacco Smoking» [«Питье вина и курение табака»]. Отсюда в обратном переводе с английского статья была напечатана в «Новом времени» 1891 г., №№ 5354, 5355 и 5357 от 24, 25 и 27 января. По подлинному тексту статья была напечатана в виде предисловия к книге: Д-р П. С. Алексеев, «0 пьянстве». С предисловием гр. Л. Н. Толстого: «Для чего люди одурманиваются?», изд. редакции журнала «Русская мысль». М. 1891, стр. 1–27. Под статьей дата: 10 июня 1890 г. Вскоре статья появилась и отдельной брошюрой в издании «Посредник» и в том же году была перепечатана в тринадцатой части «Сочинений гр. Л. Н. Толстого», Москва.

Последовательные рукописи работы Толстого над статьей «Для чего люди одурманиваются?» сохранились, повидимому, все. Они следующие:

1. Первый автограф. 7 лл. 4°, вырванных из тетради и исписанных с обеих сторон. Нумерованы позднее (не автором) – цифрами 1–7. Статья первоначально была озаглавлена: «0 употреблениі вина». Это заглавие тут же зачеркивается автором и заменяется следующим: «0 питьѣ водки, вина, пива, эфира, сока мухомора, опиума, о куреніи опиума, табуку, вспрыскиваніи морфина». Взамен этого пишется третье заглавие: «Что такое одурманяющія вещества?» тут же зачеркивается и заменяется четвертым: «Опьяненіе».

На протяжении 5 страниц (оборот 3 л. незаполнен) следует общее введение к статье, соответствующее по содержанию первой половине первой главы статьи в окончательной редакции. После этого сделана обведенная кружком пометка: «назад» и поставлен знак: # Следующий 4 л. начинается с этого знака: # На лл. 4–7 следует изложение, приближающееся по основным мыслям к 4 главе статьи в окончательной редакции (об изречении Брюллова, об убийстве Раскольниковым старух и о значении мысли для совершения поступков). По обозначениям автора видно, что эта часть статьи была написана ранее, чем та часть, которая впоследствии была нумерована, как лл. 1–3.

На обороте л. 7 имеются следующие заметки планового характера:

опіумь

хашишь (счастье)

алкоголь (вино)

табакъ (судья).

Все эти отрывочные, в то время понятные только для автора заметки получили развитие в первой же редакции статьи.

Начало статьи, лл. 1–3, было совершенно оставлено автором. В ГТМ (АЧ 15. 21) имеется копия этого начала, сделанная рукою В. Г. Черткова, но без всяких исправлений автора; очевидно, она им и не просматривалась. Вторая же часть статьи (написанная в действительности раньше первой), переписанная И. И. Горбуновым–Посадовым, вошла в состав ниже описанной рукописи № 3.

Рукопись хранится в ГТМ (АЧ 15. 20).

2. Второй автограф, написанный целиком рукою автора, содержащий 4 исписанных с обеих сторон лл. 4°, вырванных из тетради и нумерованных впоследствии (не автором) цифрами 1–4. Оборот л. 4 заполнен не целиком. По содержанию рукопись соответствует первой главе статьи в окончательной редакции до абзаца, начинающегося словами: «Вся жизнь людская»... Это начало заменило первоначальный набросок начала статьи, описанный нами выше в рукописи № 1, и, переписанное И. И. Горбуновым–Посадовым, вошло в состав рукописи, описанной ниже под № 3.

Рукопись хранится в ГТМ (АЧ 15. 22).

3. Копия, сделанная И. И. Горбуновым–Посадовым с вышеописанных

рукописей № 2 и части № 1 (лл. 4–7), с исправлениями и обширными вставками автора. Содержит 18 лл. 4°, нумерованных по страницам цифрами 1–34, со вставкой на отдельном листе на стр. 33. Копия И. И. Горбунова–Посадова занимает страницы 1–12 и 27–32; новый текст Толстого – страницы 13–26 и 32–34. Копия была сделана на линованной бумаге из учебной тетради и первоначально имела свою особую нумерацию: переписанное с рукописи № 2 было нумеровано цифрами 11–17, а переписанное с лл. 4–7 рукописи № 1 имело нумерацию 1–10. Страницы 13 и 16, содержащие начало сделанной автором вставки, написаны на обороте сделанного рукою Т. Л. Толстой (впоследствии по мужу Сухотиной) списка куплетов, которые поют действующие лица «Плодов просвещения». Рукопись заключена в обложку учебной тетради магазина Мюр и Мерилиз в Москве, на которой рукою Толстого помечено: «Предисловіе къ Алексее[ву] о винѣ», и во вторую обложку из писчей бумаги, на которой рукою М. Л. Толстой (впоследствии по мужу Оболенской) написано: «Для чего люди одурманиваются? 4 Май».

Первая часть копии, стр. 1–6, была просмотрена автором, судя по чернилам, дважды. Первый просмотр был сделан черными водянистыми отчасти выцветшими чернилами, такими же, какими была сделана копия И. И. Горбунова–Посадова. Второй просмотр, более поздний, был сделан синими чернилами. Этот просмотр синими чернилами доходит до конца статьи. После стр. 12 автором делается синими же чернилами большая вставка в текст на 12 страницах; вновь пишется и конец статьи на 3 страницах. Статья датирована 1 мая 1890 г. Кажется, что был еще третий просмотр, сделанный более густыми и яркими синими же чернилами; возможно, что в этот третий просмотр была сделана и вставка на отдельном листе на страницу 33. Кроме того, на стр. 8 имеется правка черными чернилами текста, написанного синими чернилами.

На полях стр. 13 имеются следующие заметки планового характера:

убійца

шахматы

[10]

проститутки

тверез[ому] стыдно

работа умствен[ная]

Скука. Веселье

вина. веселье

опіума. –

Дикіе.

Все эти темы были развиты автором в той обширной вставке, которую он сделал в статье. Свою мысль об одурманивающем действии алкоголя и табака автор иллюстрирует различными примерами; из них вычеркнут следующий:

Игрокъ, проигравшій все, прежде, чѣмъ войти въ комнату къ женѣ и унести потихоньку ея ожерелье, выкуриваетъ папиросу, рискуя выдать себя этим. Ему необходимо это.

По содержанию данная рукопись соответствует главам I–IV окончательной редакции. Из этой рукописи мы даем в вариантах (№№ 1, 2, 4, 7) три вычеркнутые места и одно, отмеченное автором знаком «пр.» (пропустить).

Рукопись № 3, так же, как и все описанные ниже, за исключением №№ 13 и 14, хранится в АТ (п. 29).

4. Копия с предыдущей рукописи, сделанная рукою С. А. Толстой. Заключала первоначально 17 лл. 4°, исписанных с обеих сторон и нумерованных переписчицей. Статья озаглавлена:

«Предисловіе къ статьѣ 0 Пьянствѣ Док. Алексѣева.

«Для чего люди одурманиваются?»

В тексте и на полях много исправлений и дополнений автора, причем по чернилам видно, что рукопись просматривалась не менее двух раз: с листа 1 начинаются поправки более яркими черными чернилами, а с листа 5–более бледными, водянистыми чернилами. Исправления второго вида сделаны позднее, чем первого. В исправлениях и дополнениях, сделанных в этой рукописи, автор подробнее обосновывает психологически свой взгляд на причины потребления наркотических

веществ; иллюстрирует свою мысль новыми разительными примерами; особенно подробно останавливается на влиянии на психику курения табака.

Говоря о средствах «приведения поступков в согласие с совестью», автор сначала употребляет привычное ему выражение, сказав, что для этого есть только один способ: «тот узкий путь, про который говорит Евангелие». Но это выражение тут же вычеркивается и заменяется более общим: «нравственное просвещение».

В конце статьи переписчица поставила дату переписанной рукописи: «1 мая 1890 г.». Лл. 9–17 в дальнейшем были переложены в рукопись № 5.

Из этой рукописи мы даем в вариантах (№ 6) одно вычеркнутое место.

5. Копия части предыдущей рукописи, сделанная рукою М. Л. Толстой. Содержала первоначально 18 лл. 4°, исписанных с обеих сторон и нумерованных переписчицей. Переписка захватывает лишь лл. 1–8 переписки С. А. Толстой; лл. же 9–17, как менее испещренные поправками автора, были просто переложены переписчицей в данную рукопись и перенумерованы соответственно цифрами 19–27. Рукопись имеет то же заглавие, как и предыдущая. На лл. 1–2 имеются поправки главным образом стилистического характера рукою неизвестного и на лл. 2–7 такого же характера – рукою М. Л. Толстой, сделанные с неизвестного нам источника. Были ли эти поправки продиктованы автором (что мало вероятно), или нанесены автором на не дошедшую до нас рукопись, с которой переписаны на данную, или же, наконец, предложены кем-либо из друзей или знакомых Толстого, читавших статью в рукописи, – во всяком случае исправления эти, не имеющие существенного характера, были Толстым признаны, так как все были оставлены в следующей переписке, внимательно прочитанной автором.

Исправлений рукою самого Толстого в данной рукописи сравнительно немного. Попрежнему автор особенно тщательно дополняет и исправляет ту часть статьи, где им дается психологическое обоснование употреблению наркотиков. Рассказывая об убийстве поваром старухи-барыни, автор на этот раз называет ее фамилию – гр. Толстая.

В данной рукописи впервые появляется деление на главы 1–7, не соответствующие делению окончательной редакции.

Лл. 12–18 вместе с переписанными С. А. Толстой листами, получившими в данной рукописи нумерацию 19–27, были, при дальнейшей переписке статьи, переложены в следующие рукописи.

Из данной рукописи мы даем в вариантах (№ 5) одно зачеркнутое место.

6. Копия лл. 9–10 предыдущей рукописи, сделанная М. Л. Толстой. Была перенумерована переписчицей по листам (исписанным с обеих сторон) цифрами: 91 92, 101, 102. Новая переписка именно листов 9–10 вызвана была, очевидно, тем, что исправлений автора на этих листах было особенно много.

Толстой, перечитывая эту переписку, сделал обширную вставку на

отдельном листе (исписав его с обеих сторон) на оборот последнего листа – о характере действия каждого наркотика в отдельности на психику человека.

7. Копия трех лл. предыдущей рукописи, а именно: помеченных цифрами 101 102, и собственноручной вставки автора на одном листе, а также листа 11 рукописи № 5. 7 лл. 4°, исписанных с обеих сторон рукою М. Л. Толстой. Нумерации нет. Непосредственно за этой перепиской следуют служащие ее продолжением лл. 12–16 рукописи № 5.

В рукописи три слоя исправлений автора: 1) синими чернилами; 2) позднее водянистыми, отчасти выцветшими чернилами; 3) еще позднее – более яркими черными чернилами. Исправления касаются, во-первых, психологического обоснования действия наркотиков, во-вторых, описания действия так называемого умеренного потребления наркотических веществ и, в-третьих, действия табака.

Внизу оборота л. 2 на полях переписаны автором с некоторыми дополнениями и изменениями первые 4 строки л. 3; вверху и на полях л. 7 переписаны с изменениями и дополнениями последние 7 строк оборота л. 6. Сделано это потому, что лл. 3–6, говорящие о действии каждого из наркотических веществ в отдельности, хотя и не были автором ни перечеркнуты, ни отмечены знаком «пр.» (пропустить), были отложены и не отданы в переписку, почему и не попали в статью, кроме указанных выше строк, переписанных самим автором на лл. 2 и 7. Это выпущенное автором место, как представляющее несомненный интерес, даем в вариантах под № 8.

8. Копия предыдущей рукописи, а также (по рукописи № 5) всей предыдущей части статьи. Содержала первоначально 17 лл. 4°, исписанных с обеих сторон рукою Т. Л. и М. Л. Толстых. Нумерация по листам цифрами 1–17 рукою М. Л. Толстой. Рукопись заключена в обложку, на которой рукою М. Л. Толстой обозначено: «Для чего люди одурманиваются?» 14 Май. 1890 годъ. Ясная Поляна». Ниже ее же рукой проставлено карандашом: «31 Май».

Исправлений автора сравнительно немного; есть целые листы (7–8), им совершенно не тронутые. Обширные исправления начинаются с л. 14 и касаются вопроса умеренного потребления наркотиков и куренья табаку. Исправлений, как и в предыдущих рукописях, два слоя: водянистыми, отчасти выцветшими черными чернилами и – позднее – более яркими черными же чернилами. Лл. 1–6 и 15–17, как, очевидно, менее подвергшиеся исправлениям, при дальнейшей работе были переложены переписчиками в другие рукописи.

9. Копия лл. 12–14 предыдущей рукописи, сделанная рукою неизвестного переписчика и М. Л. Толстой. 3 лл. 4°, из которых два первые нумерованы рукою М. Л. Толстой цифрами 12–13; последний лист остался не нумерованным. Сюда же были переложены из предыдущей рукописи лл. 15–17, а также непосредственно к ним примыкающие по содержанию лл. 17–18 рукописи № 5. Внизу полей оборота л. 17 начат текст пятой главы, тут же зачеркнутый. На отдельном листе, исписывая его с обеих сторон, автор пишет новый текст той же главы, но не удовлетворяется начальными строками, вычеркивает их и пишет новое начало на

отдельном листе. Последние строки этой обширной вставки дописываются на л. 19, переложеном сюда из рукописи № 5, так же как и следующие за ним лл. 20–27 той же рукописи.

На всем протяжении рукописи, за исключением лл. 3–27, очень много исправлений автора, сделанных в два приема: более бледными и затем более яркими чернилами. Целые страницы вычеркиваются и заменяются новым текстом на полях. Исправления касаются трех вопросов: умеренного потребления алкоголя, курения табаку и вопроса о том, почему пьют и курят люди с высокими душевными качествами. Вставка автора, открывающая пятую главу статьи, дает характеристику действия каждого из наркотиков в отдельности.

Из выкинутых автором мест особенно интересны его соображения о влиянии курения на шахматную игру. Это место, так же как и четыре другие, также вычеркнутые автором, даем в вариантах (№№ 9–13).

10. Копия части предыдущей рукописи, кончая листом, помеченным цифрой 22. Содержала первоначально 16 лл. 4°, переписанных рукою М. Л. Толстой, и 3 лл. – рукою неизвестного переписчика. Нумерованы М. Л. Толстой. Сюда же были переложены из предыдущей рукописи лл. (по нумерации рукописи № 5) 23–27. На обороте л. 23 Толстой начинает обширное добавление об общем действии на жизнь употребления наркотических средств, продолжая это рассуждение на 3 лл., из которых первые две исписываются им с обеих сторон, а на третьем написано только несколько строк вверху.

Вся рукопись заключена в обложку, на которой рукою М. Л. Толстой написано: «Для чего люди одурманиваются? 31 Май 1890 г.»

11. Копия всей статьи, составленная следующим образом:

- 1) лл. 1–6 (переписка Т. Л. Толстой) – взяты из рукописи № 8;
- 2) лл. 7–19 переписаны вновь рукою М. Л. Толстой и двух неизвестных переписчиков;
- 3) лл. 20–29 и 35–38 – из рукописи № 10.
- 4) лл. 30–34 переписаны вновь рукою Т. Л. Толстой.

Нумерация рукописи начата была М. Л. Толстой, но не была доведена до конца. При пересмотре рукописи Толстой исключил лл. 21–23, говорящие о влиянии на психику человека каждого наркотика в отдельности; листы эти носят следы сгиба пополам, что делалось Толстым в тех случаях, когда те или другие листы вынимались им из рукописи, как ненужные. После этого лл. 25–29 были перенумерованы как лл. 20–25. Следующий лист, начинающий переписку Т. Л. Толстой, был помечен цифрой 26, и на этом нумерация прекратилась. По ошибке два листа были пронумерованы одной и той же цифрой 19. Рукопись заключена в обложку, на которой рукою М. Л. Толстой обозначено: «Для чего люди одурманиваются. 3 Июня. 1890 г.»

На всем протяжении рукописи рассеяны более или менее значительные

исправления автора; число этих исправлений и их размер наиболее велики в главе о курении табаку. Не безынтересно, что рассказывая об убийстве поваром жены своего двоюродного дяди граф. Авдотьи Максимовны Толстой, автор вычеркивает сделанное им в рукописи № 5 указание: «мою родственницу старуху граф. Толстую», заменяя эти слова глухим обозначением: «старую барыню, у которой он [повар] жил». (В корректуре статьи автор восстановил слова: «мою родственницу», но фамилии не указал.)

Из этой рукописи мы даем в вариантах (№№ 14–16, 19) выпущенное автором место о характере действия каждого наркотика в отдельности, а также два вычеркнутые места о влиянии курения табака на умственную деятельность и одно – о значении «чуть-чуточных» изменений в сознании.

12. Копия всей рукописи, сделанная рукою М. Л. Толстой и трех неизвестных переписчиков. 35 лл. 4°, исписанных с обеих сторон и нумерованных переписчиками. Исправления автора, сравнительно немногочисленные в первых трех главах, очень разрастаются, начиная с главы IV. В заключении статьи, развивая мысль о разладе жизни современного человечества с требованиями его сознания, Толстой, как художник, хочет иллюстрировать свою мысль сравнением. Он говорит:

Человѣчество въ наше время представляется мнѣ въ положеніи натянутой до послѣдней степени тетивы лука.

Сравнение не удовлетворяет и заменяется иным:

засѣвшаго въ снѣгу паровоза.

Не удовлетворяет и это и заменяется новым:

ставшаго при подъемѣ въ гору вагона конножелѣзной дороги.

И это сравнение кажется не подходящим, Толстой вычеркивает и его и, оставив метод сравнения, излагает свою мысль в обширной вставке, исписав ее с обеих сторон четвертушку писчей бумаги.

Из данной рукописи мы даем в вариантах (№ 18) одно вычеркнутое место.

13. Копия 10 лл. предыдущей рукописи, а именно лл. 22–29 и лл. 34–35 с собственноручной вставкой к ним автора на одном листе. 12 лл. 4°, исписанных с обеих сторон рукою М. Л. Толстой и ею же нумерованных. На каждом листе исправления автора в виде исключений или вставок отдельных слов и целых предложений.

Эти вновь переписанные листы заменили те листы предшествовавшей рукописи, с которых они были списаны, и таким образом составила полная и последняя копия статьи. Лицевая сторона л. 33, повидимому, значительно исправленная автором и имеющая его собственноручную вставку на отдельном листе, была переписана М. Л. Толстой на согнутом пополам полулисте писчей бумаги; переписка заняла три страницы и оставшейся свободной четвертой страницей была наклеена на

л. 33, скрыв таким образом собственноручно исправленный Толстым текст.

Толстой, вероятно, еще раз прошелся по всей рукописи, сделав в ней последние исправления, поставив дату – «10 июня» и сделав подпись: «Л. Толстой». Рукопись в таком виде, содержащая 38 лл. 4° и заключенная в обложку, на которой рукою М. Л. Толстой обозначено: «Для чего люди одурманиваются? 10 Июнь. 1890г.», хранится в ГТМ (АЧ 15. 24), а 10 лл. рукописи № 12, с которых была сделана новая копия, хранятся в АТ (п. 29) в обложке, на которой рукою М. Л. Толстой написано: «Для чего люди одурманиваются. Июль 1890 г.» Дату в данном случае следует понимать не как время работы автора над данной рукописью, а как то время, когда рукопись была заключена в обложку.

14. Копия всей статьи, сделанная с последней правленной автором копии, со внесением исправлений, сделанных автором в корректуре. Сделана рукою двух неизвестных переписчиков; поправки автора в корректурах внесены рукою М. Л. Толстой. Ею же нумерована рукопись по листам цифрами 1–30, со вставкою на отдельном листе на лист 19. Формат рукописи 4°; хранится в ГТМ (АЧ 15. 25). В рукописи две собственноручные поправки Толстого: 1) на об. л. 3 вставлено слово: «стрелкой» после слов: «прикрытой по своему протяжению пластинкой»; 2) на л. 4 слово «и» заменено словом «но» в предложении: «но выступающей и становящейся видной»... Так как обе поправки эти принадлежат автору и сделаны им уже после чтения статьи в корректурах, считаем необходимым внести их в текст статьи.

С последней полной копии была сделана новая копия, которая и была отправлена в набор. Этой копией мы не располагаем, но судя по чистым корректурным гранкам, хранящимся в ГТМ, копия была сделана очень тщательно, но переписчик, повидимому не вполне знакомый со всеми особенностями Толстовской манеры письма, сделал две невольные ошибки. Во-первых, на лл. 23–25 последней копии имеется рассуждение автора о влиянии употребления наркотиков на умственную деятельность людей нашего времени. Рассуждение это было вычеркнуто автором, но затем вновь восстановлено; переписчик, очевидно, не понял восстановительных знаков Толстого и места этого не переписал вовсе, почему оно и не попало в печатный текст. Во-вторых, на лл. 23–24 имеется подстрочное примечание и при нем указание автора о том, чтобы примечание это перенести на другой лист. Переписчик не заметил или не понял этого указания и поместил подстрочное примечание не в надлежащее место, как и было напечатано.

Из исправленной автором корректуры статьи, содержавшей 17 гранок, в нашем распоряжении имеется лишь часть гранки 10, хранящейся в АТ (п. 29). Однако, работу автора в корректурах мы легко можем восстановить, сравнив неисправленные автором гранки с печатным текстом. Из этого сравнения видно, что автор сделал много исправлений, но почти исключительно стилистического характера, стараясь выразить свою мысль возможно яснее, сильнее, короче и убедительнее. Этим же вызвано было и исключение некоторых мест, два из которых мы даем в вариантах (№№ 3 и 17).

Что же касается намерения автора «прибавить» что-то в статью, о чем

записано у него в Дневнике 13 июля 1890 г., то большая вставка была сделана им только в последнюю (шестую) главу. В вставке этой Толстой на примере войны и военной службы показывает разлад жизни людей нашего времени с их сознанием. Вставка эта повела к исключению из статьи ряда других примеров, иллюстрирующих ту же мысль; это вычеркнутое место мы даем в вариантах (№ 20). Рукопись этой вставки, написанной собственноручно Толстым на 2 л. писчей бумаги, сохранилась; она находится в той обложке, на которой рукою М. Л. Толстой сделана пометка: «Июль 1890 г.» (АТ, п. 29).

В виду отсутствия последних авторских корректур, печатаем статью по первой публикации (в виде предисловия к книге П. С. Алексеева). Отступления, которые мы делаем от первопечатного текста, следующие:

1) Подстрочное примечание, вследствие ошибки переписчика неправильно помещенное в главе шестой, переносим, согласно указанию автора в последней рукописи, в главу третью;

2) в вышеприведенном письме к В. А. Гольцеву Толстой просил его выпустить те места, которые могут вызвать запрещение цензурой всей статьи. Произведя сравнение первопечатного текста с неисправленными автором корректурными гранками, мы убедились, что В. А. Гольцевым, по цензурным соображениям было выпущено только одно место – рассказывающее о том, как Скобелев при взятии Геок-Тепе перепоил солдат (гл. II). Мы считаем несомненным, что место это было исключено именно по цензурным соображениям, а не выпущено самим автором при чтении корректур, на основании того, что, во-первых, тогдашняя цензура ни в каком случае не пропустила бы этого текста, а во-вторых, сам Толстой, несомненно, очень дорожил этим примером, как лучшей иллюстрацией своих мыслей. Поэтому помещаем это место в текст статьи.

Следовало бы поместить в текст (в главу VI) также и ошибочно пропущенное переписчиком рассуждение автора о влиянии наркотических веществ на умственную деятельность людей нашего времени; но в данном случае нас останавливает то, что в рассуждении этом имеются некоторые шероховатости стиля, которые, вероятно, были бы выправлены автором, если бы он имел возможность прочесть все рассуждение в корректуре. Поэтому считаем более правильным дать это место статьи в вариантах (№ 21).

3) Проследив слово за словом и лист за листом всю работу автора над статьей «Для чего люди одурманиваются?», по всем сохранившимся рукописям, мы убедились, что при переписке статьи было сделано очень много ошибок и пропусков. Большой процент этих ошибок был погашен автором, при исключении им из статьи отдельных слов и целых предложений и замене их другими; но многие остались и, не замеченные автором, переходили из рукописи в рукопись и вошли и в печатный текст. Считая главнейшей задачей нашего издания – дать читателю никем не искаженный подлинный Толстовский текст, исправляем все ошибки переписчиков, вошедшие в печатный текст, по подлинному Толстовскому написанию того или другого слова или слов. Даем список этих исправлений, указывая во всех случаях также и рукопись, на основании которой производится исправление.

Страница

Строка

В первопечатном тексте

Исправлено в настоящем издании

По какой рукописи

269

27

зла

вреда

№ 5 л. 3

270

1

картофеля, конопли, мака, лоз

картофеля, лоз, конопли, мака

№ 5 л. 3

270

11

проживающих

пропивающих

№ 12 л. 3 об.

271

6

противоположным – на зло

на противоположное зло

№ 3 стр. 7.

271

25–26

первого

первого – приведения поступков в согласие с своей совестью

№ 4 л. 5

272

11

отвлекали

отвлекали внимание

№ 7 л. 2

273

5

Трезвому

Тверезому

№ 5 л. 11

273

39–40

людьми профессий, которые

людьми, профессии которых

№ 12 л. 11

274

7–8

настойки

настойки и вина

№ 7 л. 13

274

12–13

после... одурманивания не совершено преступление, воровство,
убийство

после... одурманения не совершено преступления, воровства, убийства

№ 11 л. 12

274

15

и не вызваны

а не вызваны

№ 11 л. 12

274

25

было бы совестно

было совестно

№ 7 л. 13

275

24

совести

голоса совести

№ 10 л. 14

275

29

особенно тогда

именно тогда

№ 10 л. 14

276

3

в ее вещах

в ее имуществе

№ 3 стр. 17

276

8

одурманиванию

одурманению

№ 11 л. 16

277

38

менее

меньше

№ 3 стр. 24

278

31

много

очень много

№ 9 л. 19

279

9

представляющиеся

представляющиеся тебе

№ 11 л. 24

280

17

перед ним тут же

тут перед ним

№ 1 л. 6

281

12

или детерминизме

и детерминизме

№ 3 стр. 33

281

13

излишни

совершенно излишни

№ 3 стр. 33

281

30–31

влияя на его духовное существо, и можно двигать, влияя на его
животное существо

влияя на его животное существо, и можно двигать, влияя на его
духовную сущность

№ 12 л. 34

282

8

какова была бы

какова бы была

№ 3 стр. 26

282

15

делается

и делается

№ 3 стр. 27

282

25

надо было ему

ему надо было

№ 10 л. 9

282

29

кажется

представляется

№ 13 л. 29

282

37

хочется

ему хочется

№ 12 л. 29

282

38

от этого

от этого труда

№ 13 л. 29

283

5

к решению

к разрешению

№ 13 л. 29

283

12–13

не подвигаясь к разрешению их

не подвигаясь в разрешении их

№ 12 л. 29

283

15

что делал бы

что бы делал

№ 12 л. 30

283

18

ВОЙТИ

ВЗОЙТИ

№ 12 л. 30

283

29

одурманению

одурманиванию

№ 12 л. 30

284

1

Эти последствия

Последствия эти

№ 13 л. 23

284

5–6

в ненормальном состоянии

не в нормальном состоянии

№ 12 л. 23

284

32–33

пудов

и пудов

вставка в корректуру

284

34

взлезть

влезть.

Кроме рукописей, относящихся к основному тексту статьи «Для чего люди одурманиваются?», сохранились еще рукописи трех оставленных автором начал статьи.

Первая из этих рукописей, хранящаяся в Архиве В. Г. Черткова, находящемся в Гос. Толстовском музее в Москве, начинается словами: «Спросите у человека, в чем его счастье»... Отрывок написан на вырванном из тетради листе, на обороте дневниковой записи от 1 января 1883 года, и датирован 10 апреля 1890 г. Печатаем его в вариантах под № 22.

Второй набросок начинается словами: «Человек жив духом, а не телом». Он содержит 3 лл. 4°, нумерованных автором по страницам цифрами 1–6. Два последние листа написаны на линованной бумаге, вырванной из тетради. Последний (третий) лист имеется в двух редакциях. Первая редакция является продолжением последних строк четвертой страницы, зачеркнутых автором («И доволен и истинно счастлив, спокоен, радостен бывает человек только тогда, когда»). Помещаем набросок в вариантах под № 23, а вторую редакцию последнего листа – под № 24.

Третий набросок начинается словами: «Удивительное дело: жили, жили люди»... Он содержит 2 лл. 4°, из которых первый исписан с обеих сторон. Бумага линованная, очевидно вырванная из тетради. На обоих листах отогнуты поля; но лишь в первом листе поля оставлены незаполненными (за исключением нескольких вставок в основной текст), на втором же листе текст захватывает и отогнутые поля. Помещаем отрывки в вариантах под № 25.

Второй и третий набросок хранятся в АТ (п. 29).

Все три наброска появляются в печати впервые.

Примечания.

Стр. 273, строка 1. Родственница автора, «старая барыня», убитая поваром – вдова знаменитого в свое время и в своем кругу гр. Федора Ивановича Толстого (1782–1846), прозванного «Американцем», упоминаемого Грибоедовым в «Горе от ума» и Пушкиным в «Послании к Чаадаеву». Лев Николаевич, приходившийся ему двоюродным племянником, отзывался о нем в «Воспоминаниях» как о человеке «преступном и привлекательном». Жена его, Авдотья Максимовна, рожд. Тугаева, по происхождению цыганка, вышла за него в 1821 г., убитая была в 1861 г. Толстой был дружен с дочерью гр. Ф. И. Толстого, Прасковьей Федоровной, по мужу – Перфильевой. «Страшную историю» убийства гр. А. М. Толстой Лев Николаевич рассказывал своим ученикам в школе в 1861 г. (см. его «Яснополянская школа в ноябре и декабре 1861 г.», т. 8).

Стр. 280, строка 12. Раскольников – действующее лицо романа Достоевского «Преступление и наказание».

Стр. 284, строка 29. Эйфелева башня – сооружение в Париже в 300 метров высоты, сделанное для всемирной выставки 1889 г. Названо по имени строителя, французского инженера Александра Эйфеля.

Стр. 547, строка 44. Жан Жак Пелисье (Pélissier, 1794–1864) – французский маршал, в русско–турецкую войну 1853–1856 гг. начальник всех французских сил под Севастополем, осада которого проводилась им с особенной энергией. Отличился при взятии Малахова кургана, после чего получил титул герцога Малаховского.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОМУ ТОМУ.

Основная работа над входящими в 27 том художественными произведениями протекала у Толстого в конце 1880–х годов и в 1890 году. Одно из этих произведений («Дьявол») Толстым не было окончательно отделано и впервые напечатано лишь после его смерти.

Из вышедших в свет при жизни Толстого произведений «Крейцера соната» перепечатывалась в большинстве изданий с текста, впервые опубликованного в 1890 г. в тринадцатой части сочинений Толстого и напечатанного по копии, переписанной С. А. Толстой, заключающей в себе множество отступлений от подлинного толстовского текста – бессознательных и частью сознательных. Ни этой копии ни корректур повести Толстой не читал. Отсюда большое число искажений, вкравшихся в печатный текст «Крейцеровой сонаты» и лишь частично устраненных по неавторитетным спискам в некоторых заграничных изданиях и преимущественно в двенадцатом издании сочинений Толстого 1911 г., но вновь спорадически появлявшихся в последующих изданиях повести.

Что касается „Послесловия к «Крейцеровой сонате», также не авторизованного Толстым ни в копии, с которой оно печаталось, ни в корректурах, то текст его в России вплоть до последнего времени печатался с существенными цензурными пропусками (исключение представляет собой единственная перепечатка «Послесловия» с заграничного издания В. Г. Черткова в брошюре «О половом вопросе. Мысли графа Л. Н. Толстого, собранные В. Г. Чертковым», напечатанной в журнале «Всемирный вестник» за 1906 г. и изданной затем отдельно).

Рассказ «Франсуаза» всё время печатался или по тексту, искаженному в интересах «благоприличия» А. С. Сувориным и впервые напечатанному в его газете «Новое время», или, реже, по искусственно скомбинированному тексту И. И. Бирюкова, в который лишь частично были введены купюры, сделанные Сувориным.

В настоящем издании все эти произведения – в результате изучения относящегося к ним рукописного материала – впервые появляются в печати в неискаженном виде.

Помимо вариантов литографированных редакций «Крейцеровой сонаты» и «Послесловия» к ней, печатаются ранние рукописные редакции, планы и варианты входящих в этот том художественных произведений, доселе в большинстве неопубликованные.

Из статей, входящих в состав данного тома, впервые публикуются три неоконченных отрывка. К статьям: «Для чего люди одурманиваются?» и «Предисловие к «Севастопольским воспоминаниям» Ершова» даны обширные варианты, впервые извлеченные из черновых рукописей автора; в статье «Для чего люди одурманиваются?» восстановлен пропуск, сделанный по

цензурным условиям. В комментариях к статье «О соске» приводятся толстовские тексты, затерявшиеся в проредактированной им рукописи другого автора. Из других статей Предисловие к «Злой забаве» В. Г. Черткова и «Carthago delenda est» до сих пор не включались в собрания сочинений Толстого. Тексты всех статей проверены по рукописям.

Художественные произведения данного тома приготовлены к печати, редактированы и комментированы Н. К. Гудзием.

Вся работа по подготовке к печати текстов статей и составлению комментариев к ним сделана В. Д. Пестовой, под редакцией Н. Н. Гусева.

В составлении указателя к тому принимала участие А. И. Толстая-Попова.

Н. Гудзий

Н. Гусев.

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОМУ ТОМУ.

Тексты произведений, печатавшихся при жизни Толстого, печатаются по новой орфографии, но с воспроизведением больших букв во всех, без каких-либо исключений, случаях, когда в воспроизводимом тексте Толстого стоит большая буква, и начертаний до-гродовской орфографии в тех случаях, когда эти начертания отражают произношение Толстого и лиц его круга («брычка», «цаловать»).

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Толстого (произведения, окончательно не отделанные, неоконченные, только начатые и черновые тексты), соблюдаются следующие правила.

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого», «тетенька» и «тетинька»).

Слова, не написанные явно по рассеянности, вводятся в прямых скобках, без всякой оговорки.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это ударение не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

Неполно написанные конечные буквы (как, напр., крючок вниз вместо конечного «ъ» или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. «аббревиатуры») типа «кый» вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[акъ] к[ак]» лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова, в процессе беглого письма, для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводится.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?]

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1 неразобр.] или: [2 неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-на-крест и т. п., воспроизводятся не в сноске, а в самом тексте, и ставятся в ломаных < > скобках; но в отдельных случаях допускается воспроизведение в ломаных скобках в тексте, а не в сноске, и одного или нескольких зачеркнутых слов.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое печатается курсивом, дважды подчеркнутое – курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации соблюдаются следующие правила: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного написания); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

При воспроизведении многоточий Толстого ставится столько же точек,

сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других, самых редких случаях – с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых [] скобках.

Пометы: *, **, ***, **** в оглавлении томов, на шмутц-титулах и в тексте, как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означают:

* – что печатается впервые,

** – что напечатано после смерти Толстого,

*** – что не вошло ни в одно из собраний сочинений Толстого и

**** – что печаталось со значительными сокращениями и искажениями текста.

Иллюстрации

Фототипия фотографического портрета Толстого 1889 года (размер подлинника) – между XI и 1 стр.

Примечания

1

[север]

2

[юг]

3

Но отчего же люди непьющие и некурящие находятся часто на умственном и нравственном уровне несравненно низшем против людей пьющих и курящих? И почему люди пьющие и курящие часто проявляют самые высокие и умственные и душевные качества? Ответ на это, во-первых, тот, что мы не знаем той степени высоты, до которой достигли бы люди пьющие и курящие, если бы они не пили и не курили. Из того же, что люди духовно сильные, подвергаясь принижаящему действию одурманивающих веществ, всё-таки произвели великие вещи, мы можем заключить только то, что они произвели бы еще большие, если бы они не одурманивались. Очень вероятно, как мне говорил один мой знакомый, что книги Канта не были бы написаны таким странным и дурным языком, если бы он не курил так много. Во-вторых же, надо не забывать того, что чем ниже умственно и нравственно человек, тем меньше он чувствует разлад между сознанием и жизнью и потому тем меньше он испытывает потребность одурманивания и что потому так часто и бывает то, что самые чуткие натуры, те, которые болезненно чувствуют разлад жизни и совести, предаются наркотикам и погибают от них.

4

[многие люди перестают думать там, где размышление начинает представлять для них трудности]

5

Написали: говорящего

6

Зачеркнуто: Потому что заглохла въ немъ или совсѣмъ замерла душа Божія

7

Зачеркнуто: красивая одежда

8

Врач Петр Семенович Алексеев (1849–1913) в 1889–1894 гг. состоял помощником врачебного инспектора в Чите, затем до конца жизни на той же должности в Риге. Написал ряд книг и статей о пьянстве: «Успех в борьбе с пьянством» – «Московские ведомости» 1887 № 336 от 6 декабря; «О вреде употребления крепких напитков», М. 1888; «Чем помочь великому горю? Как остановить пьянство?» М. 1888; «Вино и здоровье» Грайворон. 1895; «Алкоголизм». Рига. 1898; «Терапия алкоголизма», Спб. 1899 и др.

9

Виктор Александрович Гольцев (1850–1906) – писатель, в то время редактор журнала «Русская мысль». Книга П. С. Алексеева вышла в издании редакции этого журнала.

10

Написано: хахматы